

Д Ж Е Й М С
ФИЛЛИС

ОСНОВЫ

ВЫЕЗДКИ

И

ЕЗДЫ

Джеймс Филлис

Основы выездки и езды

«Центрполиграф»

1892

УДК 636
ББК 46.11

Филлис Д.

Основы выездки и езды / Д. Филлис — «Центрполиграф», 1892

ISBN 978-5-227-10032-0

В книге знаменитого мастера выездки подробно рассказывается обо всех основных аспектах работы с лошадью, даются ценные рекомендации, помогающие разрешить неизбежные трудности. Воздействие на лошадь, обучение аллюрам любой сложности, навыки езды в различных ситуациях, борьба с вредными привычками животного, – о чем только не поведал опытейший Джеймс Филлис в своем руководстве. Не теряющие актуальности знания легендарного наездника, изложенные максимально доступным для современного читателя образом, дополнены комментариями современного специалиста-конника, поясняющего каждую главу с точки зрения сегодняшних достижений коневодства и конного спорта. «Основы выездки и езды» – настольная книга для всех, кто хочет крепко сидеть в седле! В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 636
ББК 46.11

ISBN 978-5-227-10032-0

© Филлис Д., 1892
© Центрполиграф, 1892

Содержание

Слово к читателю	7
Слово к читателю	8
Биографический очерк	10
От переводчика	13
Предисловие	15
Часть первая	17
Глава I. Лошадь	17
Комментарий специалиста	18
Глава II. Корм	20
Комментарий специалиста	20
Глава III. Понятливость лошади	21
Комментарий специалиста	21
Глава IV. Воздействие взгляда человека на лошадь	22
Комментарий специалиста	22
Глава V. Воздействие голоса человека на лошадь	23
Комментарий специалиста	23
Глава VI. Ласка и награда	24
Комментарий специалиста	24
Глава VII. Наказание	25
Комментарий специалиста	25
Глава VIII. Рот лошади. Мундштучное железо, пригонка его и влияние на рот	26
Комментарий специалиста	27
Глава IX. Мартингал	28
Комментарий специалиста	28
Глава X. Седло	29
Комментарий специалиста	29
Глава XI. Стремена	30
Комментарий специалиста	30
Глава XII. Хлыст	32
Комментарий специалиста	32
Глава XIII. Шпоры	33
Комментарий специалиста	33
Глава XIV. Посадка	34
Комментарий специалиста	36
Глава XV. Дамская езда	37
Посадка Амазонки	37
Комментарий специалиста	39
Часть вторая. Выездка и езда обыкновенная	40
Глава I. Работа на корде	40
Комментарий специалиста	43
Глава II. Работа в поводу	45
Подавание лошади вперед	45
Комментарий специалиста	46
Глава III. Ставить лошадь. Работа затылка, то есть сгибание его по вертикальной плоскости. Прямое сгибание	47

Комментарий специалиста	61
Глава IV. Способы как приучать лошадь давать на себя садиться	62
Комментарий специалиста	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Джеймс Филлис

Основы выездки и езды

© «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

Слово к читателю

Любому человеку, увлеченному лошадьми, известно имя Джеймса Филлиса – величайшего берейтора, специалиста, сумевшего не только создать школу управления лошадью, используя личный опыт, но и оставить потомкам бесценные теоретические изыскания.

Менялись поколения конников, появлялись и проходили новые веяния в конном спорте, но созданное Джеймсом Филлисом учение оставалось основой основ.

Сделать это учение максимально доступным, изложенным на понятном нам языке – это непростая, но очень нужная и важная задача.

От лица всех конников выражаем глубокую признательность издательству «Центрполиграф», взявшемуся за адаптацию и переиздание знаменитого пособия прошлого столетия.

Данное издание рекомендовано и любителям, и профессионалам, в первую очередь – преподавательскому составу.

Член Президентского совета Федерации конного спорта России, генеральный директор КСЦ «Измайлово» А.В. Бакеев

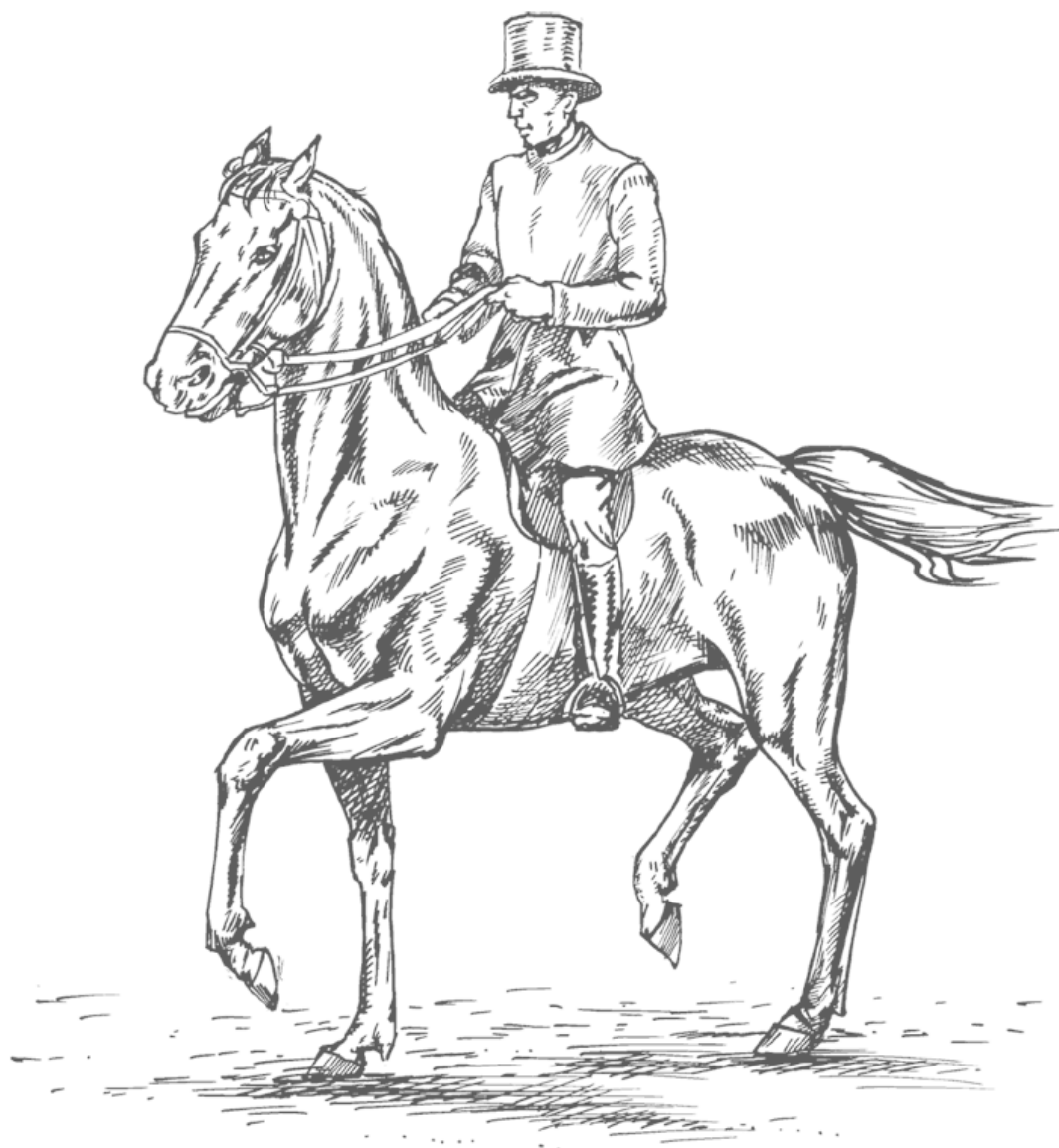
Слово к читателю

В любом деле есть имена, которые звучат для сведущих в нем людей как музыка и с течением времени отнюдь не теряют своей яркости. Знания и достижения прославленных личностей становятся легендарными, и их авторитет постоянно подтверждается неугасающим интересом потомков. Все вышесказанное можно без малейших колебаний отнести к Джеймсу Филлису, виртуозному мастеру выездки, кумиру и наставнику многих поколений любителей лошадей. Его книгу вы сейчас и держите в руках.

«Основы выездки и езды» – это уроки, помогающие как начинающим, так и профессионалам, они служат великолепным справочником по вопросам ухода, кормления, содержания, выбора и прежде всего грамотного использования лошади и ее тренинга, несут интереснейшую информацию о традициях и правилах работы с лошадью в середине и конце XIX века.

Но сейчас век XXI, и не только стиль и шрифт оригинала этой книги безвозвратно устарели, но и некоторые правила, требования, предъявляемые к лошадям и езде на них, претерпели большие изменения. Прежде всего, современная зоотехническая наука дала в руки спортсменам и любителям великолепные породы полукровных лошадей. Изменились и требования к самой спортивной лошади. Другими стали правила проведения соревнований, да и элементы, выполняемые всадником, стали свободными и более естественными для лошади. Многие из представленных в книге глав сейчас актуальны только для артистов цирка, так как элементы, описанные в них, Международной федерацией конного спорта (ФЭИ) отнесены к элементам дрессуры и не используются спортсменами.

Именно поэтому мы взяли на себя смелость подробно прокомментировать главы этой книги с точки зрения современных достижений науки и спорта. Но есть страницы, читая которые вы найдете вечные истины. И пусть эта книга поможет вам пополнить ваш запас сведений по интереснейшей тематике, решить сложные проблемы, возникающие при работе с лошадью, и заглянуть в историю того великого знания, частицы которого вы сохраняете.

Биографический очерк

Джеймс Филлис родился 27 декабря 1834 года в Лондоне. Отец его, Томас Филлис, был известный богатый адвокат, старинная контора которого пользовалась большой популярностью в Англии. Как все англичане, Томас Филлис был одержим страстью к лошадям и часто посещал скачки. В 1841 году отец умирает, и вдова-мать остается с семьей малолетними детьми, причем, как оказалось, состояние почти все потеряно в последние годы жизни отца, увлекающегося игрой на скачках. Джеймс Филлис говорил, что, не случись краха, не пришлось бы ему ездить верхом, так как нотариальная контора фирмы Филлиса переходила много поколений преемственно к старшему сыну.

Семилетний Джеймс попадает к другу отца, богатому владельцу лошадей, имевшему скаковую конюшню, где и проводит два года; знакомится, как наблюдательный мальчик, с уходом за лошадью и, находясь ежедневно среди грумов, жокеев и конюшенных мальчиков, приучается сидеть в седле на чистокровных полуторниках. По наследию отца любовь к лошади у маленького Джеймса развивалась в страсть, и после смерти его благодетеля, разорившегося на лошадях, Джеймс поступает в 1843 году к богатому конеторговцу Гринессу, оперировавшему на всех конских рынках Европы. Железных дорог тогда еще не было, и лошадей, выгрузив с судов в Гамбурге, отправляли походным порядком. Маленький Филлис в течение семилетнего пребывания у Гринесса перебивал на коне почти во всех главных городах Европы. Многоверстные переходы на чистокровном молодом скакуне сроднили юного Джеймса с конем, познакомили его со всевозможными породами, их характерами, дали возможность практически изучить все способы подчинения воле всадника своенравного животного. Обстоятельства жизни сложились так, что нельзя было отказываться сесть на непокорное животное, тем более что обращение с мальчиками было весьма бесцеремонное. Жизнь их ценилась в грош. Как сам Филлис рассказывал, родственники убитого лошадью мальчика, получив несколько стерлингов, считали себя совершенно удовлетворенными, признавая такой порядок вполне нормальным. Пылкий от природы, ловкий, сухоощавый юноша, Джеймс с особым удовольствием садился на упрямого скакуна, от которого другие, что называется, открещивались. Подчинение своей воле необузданного нрава животного доставляло смелому юноше высшее наслаждение. Чаще всего Филлису приходилось бывать в Вене, где в конце сороковых годов он познакомился со знаменитым наездником Боше – кумиром знатоков езды того времени. При посещении Мадрида, Милана, Парижа и Берлина Филлис познакомился со многими манежными ездоками, работавшими лошадями для высшей школы, но то, что он увидел у Боше, поразило Филлиса в высшей степени. В особой главе своего сочинения он всесторонне рассматривает некоторые положения системы Боше.

Шестнадцатилетний Филлис поступает к известному тогда в Англии тренеру Асфорду, конюшня которого была в окрестностях Ньюмаркета – центра скакового мира. Здесь он участвует в скачках на ипподроме. Каждый конеторговец Англии имеет охотничьих лошадей, которых показывает для продажи только после того, как лошадь пройдет, так сказать, учебный курс охот. Для этого скакунов посыпают под жокеями на парфорсные охоты, но скачут они в хвосте участвующей группы охотников до тех пор, пока лошадь хорошо не напрыгается. В последующие охоты жокеи постепенно передвигаются ближе к головным охотникам, и, когда конь демонстрирует выдающиеся успехи, предлагают его к продаже и, конечно, продают за большие деньги. Таким образом, и в этой сфере работы лошади Филлису представлялось широкое поле для изучения на практике всех способов управления конем. Больше всего ему пришлось охотиться в Шантильи у герцога Д'Омаль.

Вращаясь среди любителей лошадей, Филлис попутно со скачками ознакомился и с системой выездки знаменитого Боше. В 1858 году в Берне секретарь французского посоль-

ства граф де Симеон, страстный спортсмен, дал Филлису в полное распоряжение свою лошадь англо-немецкого происхождения для выездки под высшую школу. Это был первый опыт. Переехав в Гавр, Филлис арендовал манеж, но, как любитель лошади, чуждый всяких коммерческих соображений, он не сумел вести дела и вынужден был переехать в Париж, где поступил в цирк и начал выезжать лошадей для высшей школы, а также дрессировать на свободе. За время пребывания в цирке Филлис окончательно, так сказать, разработал систему выездки лошади и на чистокровных Жерминале и Маркире представил венец высшей школы. В 1890 году Филлис побывал в Берлине и Вене, где его появление на Жерминале, Маркире и Повэро было полным триумфом его системы. Восторги серьезных любителей верховой езды, по отзыву иностранных спортивных журналов, выражались громом аплодисментов и подношением всевозможного вида подарков и адресов. Внимание Австрийской Императорской четы неоднократно выражалось в личных одобрениях Джеймсу Филлису. Император Франц Иосиф подарил ему лучшего жеребца своего завода – серого Маэстозо. В России Джеймс Филлис в первый раз появился в С.-Петербурге в цирке Чинизелли осенью 1897 года, произведя фурор на Жерминале, Маркире, Повэро и Маэстозо. Бросались в глаза отличное рабочее тело чистокровных коней, правильность, отчетливость, красота и энергия их движений. Все четыре лошади, что называется, без сучка и без задоринки в ногах и сбережены в полном смысле слова. Вскоре Джеймсу Филлису была поручена для испытания его системы работа одной смены лошадей Императорской Придворной конюшни, давшая блестящие результаты, за что Джеймс Филлис был награжден орденом Св. Станислава III степени.

С 1898 года Филлис состоит в офицерской кавалерийской школе, где под его руководством и по его системе работают:

офицеры постоянного состава школы, выезжая молодых лошадей для высшей школы верховой езды;

офицеры старшего курса переменного состава школы, выезжая трехлетних кобыл государственных заводов;

наездники старшего курса на ремонтных (три с половиной года) лошадях школы, выезжая их прямо на мундштуках.

В том, что система его дает блестящие результаты, мне пришлось убедиться в мае 1898 года, когда Филлис дал мне попробовать своего чистокровного каракового Повэро. Это настоящий шеренговый мерин, если ехать на нем, как ездят наши рядовые, – упершись в повод и распустив шенкеля; Повэро шел тогда широкой рысью с довольно сильным упором в повод. От постепенного усиления шенкеля и смягчения повода Повэро пошел на всех аллюрах, что называется, в мягком поводу – унтер-офицерская или вахмистрская лошадь. От дальнейшего усиления шенкеля Повэро подобрал зад, повод шелковый, повиновение руке полное. Это лошадь, не дрессированная под высшую школу, как обыкновенно бывает в цирке, а идеально уравновешенная выездкой, а потому в отличном поводу, с широко выработанными аллюрами, смирна, поворотлива и покорна всаднику в полном смысле этого слова, и при этом отлично сбережена.

Несмотря на свои 66 лет, Филлис ежедневно работает высшей школой собственную молодую лошадь и ездит лошадей Его Императорского Высочества Августейшего Генерал-Инспектора кавалерии. Нужно быть личным свидетелем, чтобы оценить Филлиса как замечательного учителя езды. Сколько энергии и какое искусство проявляет он в минуты сопротивления коня воле всадника, какой решимостью горят его глаза, когда конь выказывает протест, и как расточительно ласков он с тем же конем каждый раз после хорошо исполненного им требования. Насколько он быстр в указаниях во время урока езды, может служить примером следующий случай. В Красном Селе гнедая кобыла при закидке опрокинулась под всадником и придавила его настолько, что вновь сесть на нее он не мог. Старик Филлис с легкостью юноши в один миг очутился в седле и энергичным настойчивым посылом хлыстом и шпорами тотчас привел кобылу в повиновение и полное послушание.

Оканчивая краткую биографию этого замечательного мастера искусства верховой езды, считаю нужным упомянуть, что Джеймс Филлис в ежедневных беседах с нами после езды проявляет всестороннюю начитанность человека образованного. Речь его дышит остроумием, чистой логикой здравого разума с непреклонной волей. Рассказы его рисуют человека, от наблюдательности которого не ускользнула ни малейшая подробность обстановки, в которой протекла его жизнь практика-труженика, и являют в нем великий талант натуралиста.

Начав самостоятельную трудовую жизнь без гроша в кармане, семилетний мальчик-сирота посвятил ее исключительно изучению лошади. Достигнув теперь громкой известности, обеспечив семью (жена и пятеро детей) совершенно достаточными материальными средствами, Джеймс Филлис доказал, что и в жизни своей, как и в принципе выездки лошади, он остается верен своему девизу – «en avant» («вперед!»).

Перевод сделан с согласия Джеймса Филлиса и по моей просьбе моим двоюродным братом Александром Андреевичем Войцеховичем – серьезным знатоком лошади и верховой езды.

В присутствии Филлиса перевод прочитан генерал-майором Брусиловым и подполковником Химцом и одобрен начальником Петербургской офицерской кавалерийской школы генерал-лейтенантом Авшаровым.

Как друг и почитатель таланта моего учителя Джеймса Филлиса и желая ознакомить с его взглядами возможно большее число товарищей по любви к лошади и верховой езде, я решился редактировать и издать настоящую книгу, полагая привнести этим посильную лепту на пользу славной российской конницы.

Подполковник князь Багратион

1900 г.

От переводчика

Филлис озаглавил свою книгу «Основы выездки и езды». У нас нет установившегося взгляда на верховую езду – большинство смотрит на нее как на праздное времяпрепровождение. Очень редко встретишь человека, который признает за верховой ездой право представлять собой искусство. Между тем она есть искусство, и искусство тем более высокое, что объектом его является живой и в некоторой, хотя для человека и мало понятной, степени одухотворенный организм – лошадь. Как всякое живое существо, каждая лошадь представляет собой особую единицу как в отношении строения тела, так равно и в отношении трудно уловимой для человека стороны интеллектуальной. Нормальные, более или менее рациональные, приемы воздействия на этот организм установлены, но применять эти приемы приходится, бесконечно видоизменяя их оттенки. В оттенках, как несколько раз повторяет Филлис, и заключается езда, – в оттенках и состоит искусство езды.

Всякое искусство имеет свои законы, а что имеет законы, имеет и свою философию. Сочинение Филлиса и представляет собой именно философию искусства езды и выездки.

Приемы, которые излагает Филлис, вообще очень просты и несложны, так как они основаны на глубоком понимании сущности лошади и того, что от нее требуется. Большинство приемов представляет собой приемы старой езды, бывшей в употреблении у нас до разгрома идей, преданий и народной мудрости, приобретенных тысячелетней историей, набегом невежества и проповеди легкоделия под флагом реализма шестидесятых годов.

Сущность и главное достоинство сочинения Филлиса заключается не в описании приемов, а в изложении сущности этих приемов, причин, почему они должны быть такими, цели их и результатов, ими достигаемых. При изложении каждого приема Филлис всегда приходит к их синтезу, то есть к постановке и ведению лошади в равновесии.

Равновесие лошади, как основа искусства езды, и сделалось предметом гонений новаторов шестидесятых годов. Никто из реформаторов о равновесии лошади понятия не имел, но (ничем иным объяснить себе явления не могу), подпав под гипнотическое влияние представителей проповеди разрушения эстетики, чуя в езде искусство, они обрушились на его внешние признаки, то есть равновесие. «Повод», как Филлис его называет, «сбор» сделался предметом косвенного, а мундштук прямого и отчаянного гонения. Создалась целая литература, предлагались даже новые универсальные снаряды для замены его.

В не таком далеком прошлом у нас было много отличных наездников и превосходных берейторов. К сожалению, верховая езда никогда не была у нас так распространена, как на Западе. Вследствие этого выдающиеся наездники и берейторы, так сказать, светили в безвоздушном пространстве и сгорали за свой собственный счет. Свет их никому не был нужен; материал для поддержки горения им никто не доставлял. Сходили они со сцены бесследно, не оставляя большей частью после себя никаких письменных трудов. Насколько мне известно, кроме старинного сочинения Бабинского и изданной в 1867 году книги моего друга и учителя Гешвенда, еще сколь-нибудь серьезного сочинения по искусству верховой езды на русском языке не имеется.

Год от года мрак все более и более застилал эту отрасль искусства, и казалось, она совсем заглохла. Но все, что существует, имеет свою сущность, а сущность – вечна. Раз искусство верховой езды появилось и развивалось на основании известных законов в стройную систему, то исчезнуть оно не может.

Состояние упадка, до которого у нас дошла верховая езда, послужило к пробуждению сознания о необходимости возрождения этого искусства. Этому сознанию я и приписываю тот интерес, который проявляется теперь как к самому Филлису, так и к его книге.

Книга Филлиса не есть руководство. Мало знакомый с лошады и ездой не только не извлечет из нее практических указаний для дилетантского применения его приемов, но и не поймет ее. Тем не менее прочесть и проштудировать эту книгу полезно всякому кавалеристу. Польза будет двоякая. Во-первых, прочтя ее, нельзя не почувствовать истину слов Филлиса, что для того, чтобы ездить при каких бы то ни было условиях, надо «уметь» ездить, а для того, чтобы уметь ездить, надо сначала приобрести шлюсс. Чтобы приобрести шлюсс, надо иметь терпение в продолжение долгого времени трястись рысью без стремян на тряских и сильных лошадях под руководством знающего учителя, то есть вернуться к тому, что, как опять-таки говорит Филлис, считали необходимым все мастера искусства верховой езды прежнего времени. Во-вторых, может быть, установится правильный взгляд на лошадь. Верховая лошадь прежде всего должна быть верховой, то есть такой, которая по складу своему может скорее и с возможно меньшим риском разрушения быть поставлена в строй. Следовательно, лошадь по природе своей должна иметь способность как можно легче для себя подводить зад под корпус, без чего равновесия достигнуть невозможно. Блажь на ганноверскую фальсификацию, кажется, остывает. Может быть, после изучения сочинения Филлиса начнет редеть и туман, напущенный спекуляцией.

Все свои предложения и рассуждения Филлис излагает в высшей степени определенно и точно. Каждое выражение уместно и необходимо. Вследствие такого способа изложения при переводе книги я придерживался возможно ближе текста.

*Войска Донского есаул
Александр Войцехович*

*С. Сулимовка
11 марта 1900 г.*

Предисловие

Я не берусь за изложение научных положений. Это не мое дело. Я ни более ни менее как практик, имеющий дело с лошадью в продолжение пятидесяти лет. Я знаю лошадь, люблю ее и не могу о ней не рассуждать.

Мне было восемь лет, когда меня в первый раз посадили на лошадь. Жизнь моя ценилась недорого. Когда какая-нибудь лошадь начинала бить или показывать норов, со всех сторон поднимался крик: «Посадить мальчишку!»

Мальчишку сажали и – вперед. Мальчишка работал каблуками и хлыстом, бич делал свое дело. Мальчишка держался как мог и сколько мог, а когда он катился на землю, то его без церемоний опять втаскивали на лошадь.

Таковы были мои первые шаги на поприще наезднического искусства. С детства узнал я посыл, который впоследствии стал для меня бесконечно дорог.

Такое суровое, но в высшей степени полезное воспитание развило во мне с ранних лет уверенность в себе, крепость посадки и, позволю себе сказать, неустрашимость. Я никогда не задумываюсь, в случае нужды смело, но обдуманно схватываюсь с лошадью.

Наступил период самообучения, а с ним пришли и его спутники: потемки, догадки, бесплодные усилия, заблуждения, которые всегда очень трудно сознать, ошибки, иногда неправимые, и советы, иногда и дурные. Во всем этом хаосе приходилось разбираться одному. Не многие переживают такое время не опустив рук.

Время тяжелое, но зато и полезное.

Постоянные упражнения тренируют тело, разрабатывают его гибкость. Постоянная опасность приучает к необходимому хладнокровию. Наконец, постепенно приобретаетя шлюсс. Зарождается способность чувствовать лошадь.

С этого времени начал я отдавать себе отчет в каждом явлении, вдумываться в то, что намерен делать. Начал внимательно изучать приемы, изыскивать способы возможно тонкого их применения, делать выводы, конечно часто слишком поспешные. Корректором являлся приобретенный практикой опыт.

В этом периоде искания истины судьба натолкнула меня на наставника, который указал мне методу. С тех пор я перестал ходить в потемках и получил возможность привести в порядок отрывки познаний, связать их, сделать из них выводы.

Я получил возможность путем систематизации ставить каждое явление на свое место, объяснять себе каждое из них, понимать их.

Каждое явление стало для меня ясным и естественным. Передо мною раскрылась совокупность представлений и соотношений воздействия человека на лошадь.

Раз метода улеглась в голове, оставалось выработать в себе умение передавать лошади руками и ногами приемы, то есть развить в себе точность отражения ощущений.

Поверхностным знанием я удовлетвориться не мог, поэтому с напряженным вниманием изучал все тонкости, все мелочи. Этим путем я развил в себе точность восприятия ощущений, возбуждаемых движениями лошади, способность мгновенно отдавать себе в них отчет и умение мгновенно же отвечать на них воздействием помощников – шенкеля и повода, то есть развил то, что называется «чувствовать лошадь».

Наконец, я получил возможность мыслить и работать, стоя на своих ногах. Как отдельное явление, так и совокупность их я стал самостоятельно проверять на опыте, в манеже, сопоставлять их с методой, урезать или расширять ее положения, изменять, развивать и совершенствовать их.

Не сходя с пути, начертанного великими мастерами искусства верховой езды, я мало-помалу выработал свою собственную методу. Метода моя есть плод глубокого изучения основ,

оставленных нам в наследство творцами французской школы. Она представляет собой развитие, упрощение и усовершенствование применения приемов великих учителей этой школы.

Если мне удалось внести некоторую лепту в сокровищницу накопленных ими знаний, то это только благодаря тому, что я никогда в изысканиях моих не уклонялся от указанного ими пути.

Всем, чего я достиг, я обязан им.

Основной принцип моих исследований, излагаемых в этой книге, состоит в следующем: равновесия лошади и легкости ее в поводу возможно достигнуть только на движении вперед посылом. Посыл развивает задние конечности, подаваясь под брюхо, то есть под центр тяжести. Но и при наличии посылы равновесие возможно только при условии высокого постава шеи и головы, сданной в затылке, а не в середине шеи. Легкость повода возможна только при сдаче челюсти.

В этом все и вместе с тем – ничто. Все – потому что принцип этот объясняет всякое явление, и ничто – до тех пор, пока этот принцип не применен к делу.

Как применять приемы – в книге научить не могу, но сами приемы, методы мои попытаюсь изложить.

Вероятно, я никогда не решился бы написать эту книгу, если бы не подвигнул меня к этому один из моих учеников.

За время уроков по разным частным случаям приходилось давать ему разные объяснения.

Тождественность объяснений и вытекающее из них единство и законченность метода поражали его. Он стал просить изложить мою методику в отдельной книге.

«Куда мне, практику, браться за исполнение такой задачи, – говорил я ему. – Я боюсь, что не сумею ясно изложить, а может быть, и ошибочно изложу мои положения и этим подорву основной принцип их, который сам по себе, безусловно, верен».

«Не бойтесь, – говорит он. – Не пускайтесь только в теорию и в изучение законов движения лошади. Будет уже с тех, которые разбирали лошадь по частям и углублялись в исследования ее органов. Расскажите нам попросту все, что вы делаете с лошастью с момента покупки чистокровного жеребенка до момента сдачи его наезднику или наезднице уже выездженным и готовым».

Прошу меня судить, но прошу, прежде чем судить, внимательно прочесть книгу. Книга эта представляет собой плод пятидесятилетнего внимательного изучения дела и упорного труда.

Отдаю себя снисхождению читателей и чувствую справедливость критики.

Часть первая

Глава I. Лошадь

Я выезжаю только чистокровных лошадей, но из этого не следует, что я считаю лошадей трех четвертей и половины крови непригодными под седло. Я просто отдаю предпочтение чистокровным.

Большого роста в лошади не ищу. Лучшим ростом считаю для лошади от 2 аршин 2,5 вершка до 2 аршин 3,5 вершка; даже от 2 аршин 3,5 вершка до 2 аршин и 4 вершка (от 152 до 160 см высоты в холке).

Выбирая лошадь, надо прежде всего отдавать себе отчет об общем ее виде. Если первое впечатление удовлетворяет меня, я рассматриваю ее подробно, причем мирюсь с некоторыми ее несовершенствами. Если первое впечатление невыгодно, то я осматриваю тщательней и не так снисходительно. Совершенства в мире нет. Особенно следует обращать внимание на то, как лошадь идет в поводу и под седлом: шагом, рысью и галопом. Иная лошадь, стоя на месте, кажется нескладной, а на ходу представляется легкой, ловкой и гармоничной. Иногда наоборот. Я предпочитаю первую, так как она будет производительней в работе. Лошадь должна иметь: красивую голову, более или менее гибкую шею, развитый затылок, более или менее высокую и длинную холку, короткую и широкую спину и поясницу, высокую и короткую почку (круп), длинную отлогую лопатку, длинные широкие окорока и бедра. Для передка: длинное и широкое предплечье, короткое берцо, скорее длинную, чем короткую бабку. В одной и той же лошади совокупность этих положительных условий встречается очень редко. Лошадь с прямым плеточным суставом бракуя. Такой сустав не имеет упругости, и, понятно, нога верно ступать не может. Обращаю внимание на пятки. Сжатые пятки – большой порок. Я не кую своих лошадей, покуда они работают на мягком грунте. Некованая лошадь ступает на углы стрелки и раздает пятки.

Но одной физической стороны в лошади, как и в человеке, недостаточно – нужно узнать еще ее характер. Главное достоинство лошади – это откровенность и расположение идти вперед.

Лошадь должна быть горяча. Горячая лошадь никогда не может быть пугливой, беспокойной и упрямой. О характере лошади речь будет впереди, а пока скажу, что лошадь посредственного склада, но смело и охотно идущая вперед, окажется в работе превосходной, и наоборот, лошадь без энергии, будь она хоть картина, как верховая – никуда не годится.

Я начинаю выезжать лошадей в возрасте на третьем году, в крайнем случае трех лет. Покупаю я лошадей всегда в сентябре, то есть когда им два с половиной года. Молодых лошадей я предпочитаю потому, что они еще не успели побывать в выдержке и поэтому попадают в мои руки вполне целыми. Доставать таких лошадей нетрудно. Между чистокровными всегда есть много таких, которые не подают надежды стать ипподромными скакунами, поэтому со скаковой точки зрения они цены не имеют.

Из этой категории между тем выходят превосходные верховые лошади как для езды высшей школы, так и для всякой работы под седлом. Кобыл не покупаю вовсе, они часто хвостят, а иногда и мочатся под шпорой. Жеребцов я всегда кастрирую по следующим соображениям: жеребцы часто бросаются на других лошадей, что совсем неприятно, поднимаются на дыбы и вообще очень злы. (Арабские и тракененские жеребцы обыкновенно спокойны и на кобыл не обращают внимания.) С годами чистокровные жеребцы жиреют в шее, отчего перед их тяжелеет, а зад худеет, круп суживается, и маклоки обостряются; верховая же лошадь должна быть

широкая в зад, а передом легка. Жеребцы-производители дольше сохраняют правильность склада. К этому надо прибавить, что конь всегда спокойнее жеребца.

Для кастрации я всегда посылаю жеребцов в Альфорскую школу, где они остаются в продолжение двух недель, а затем отправляю в деревню на три с половиной месяца, на подножный корм. В течение этих четырех месяцев лошадям я ничего не кладу на спину. Обучение начинаю самыми мягкими приемами, и когда первоначальной выездкой я достигаю того, что лошадь умеет идти шагом, рысью и галопом, легко поворачивать, осаживать и делать несколько шагов через манеж, взяла повод, я выезжаю на ней на волю. Обыкновенно через несколько дней она становится приятной для катания.

В первые два-три месяца езды на воле я держусь только того, чему научил лошадь в манеже, развивая только легкость и связность ее естественных аллюров.

Итак, с сентября по конец декабря – покой и уход. Январь-март – работа в манеже. Апрель-июнь – повторение и развитие на открытом воздухе работы, пройденной перед тем в манеже. В июле отправляю лошадь в деревню. Там она пасется на подножном корму, но получает и овес. Это ее каникулы. В августе возобновляю работу на воле, а так как лошадь отдохнула и набралась сил, то приступаю и к высшей езде. Лошадь предшествующей выездкой уже уравновешена, легка и втянута в работу, а потому успеха достигаю быстро и выездку высшей школы обыкновенно заканчиваю к концу декабря, хотя иногда случается затянуть ее еще на месяц-два, если попадается трудная лошадь или требуется более сложная езда. По окончании выездки даю лошади две недели отдыха, а затем, если можно, отправляю ее на охоту. Только тогда я считаю лошадь вполне готовой. Таким образом, я получаю: прекрасную лошадь для прогулки весной и летом, стойкую охотничью лошадь для осени и приятную лошадь высшей школы для езды в манеже зимой.

Комментарий специалиста

Филлис начинал работу с молодой лошадию в два с половиной года, точнее в три, после кастрации. К высшей школе верховой езды приступал только в три с половиной – четыре года. К пяти годам он получал готовую лошадь, которая отправлялась на охоту.

Заездка современных лошадей начинается в конных заводах в полтора года. А первые соревнования по выездке для молодых лошадей проводят по достижении ими четырехлетнего возраста.

Чистокровные лошади за это время значительно улучшили свои показатели резвости и приобрели несколько ограниченную специализацию. В Мировом табеле о рангах лошадей, выступающих в выездке, первенство принадлежит таким породам, как ганноверская, тракененская, вестфальская, голштинская, и другим современным европейским породам, в разведении которых активно используются лошади чистокровной верховой породы. Доля кровности в них сильно колеблется и часто достигает $\frac{3}{4}$. Собственно чистокровные лошади в соревнованиях по выездке продолжают широко выступать только в нашей стране, так как у нас еще встречаются лошади старого типа, предназначенные не только для скачек, но и для езды. Но спортсмены, занимающиеся выездкой, уже пересели на лошадей русской верховой, тракененской, украинской или других спортивных пород, на которых они достаточно успешно выступают на международной арене.

Предпочтения по поводу роста лошади, точнее ее высоты в холке, в принципе остались такими же. Очень крупные теряют гармонию и пластику движений; сохранившие их являются большой редкостью и очень дороги. За прошедшие столетия и лошади и всадники несколько выросли. Современная спортивная лошадь имеет в холке высоту от 164 до 172 см. Владелец выбирает себе лошадь с учетом собственного роста. Маленькая элегантная женщина прекрасно будет смотреться на некрупной лошади, а высокий мужчина превратится в клоуна с длинными

ногами, волочащимися по земле. Но не это главное. Длина ноги, точнее шенкеля, должна обеспечивать правильное управление, ибо вся современная выездка строится на управлении лошадью при помощи трех китов: шенкеля, рук и смещений центра тяжести корпусом всадника.

Требования, предъявляемые к экстерьеру лошади, остались прежними. Современным спортсменам повезло, в их распоряжение гораздо чаще попадают животные с правильным экстерьером, гораздо большее внимание при выборе лошади приходится уделять чувствительности рта, бока, податливости и желанию лошади работать.

В современном спорте не редкость лошади, не подвергавшиеся кастрации. Селекция на добронравие в некоторых породах достигла высоких результатов.

Глава II. Корм

Кормлю я лошадей хорошо, особенно овсом: даю в день 12 литров. Овес дает лошади энергию, а от лошади мной требуется энергия, еще энергия и всегда энергия.

Утром овса даю меньше, вечером, когда лошадь остается в покое, даю его много. В покое лошадь ест медленно, лучше пережевывает и, следовательно, лучше усваивает корм. Утром я даю 2 литра овса, 4 литра в полдень и 6 – вечером. Утреннюю дачу лошадь получает минимум за два часа до работы, чтобы во время работы ее желудок не был обременен. Перед работой коротко привязываю повод, чтобы лошадь не ела подстилку.

Через полчаса после работы даю пол-охапки сена. В полдень лошадь выпивает $\frac{3}{4}$ ведра воды и получает овес. В четыре часа всем лошадям подкладывается по охапке соломы в подстилку, а в пять часов по $\frac{1}{4}$ охапки сена. В семь часов водопой в том же количестве и вечерняя дача овса. Два раза в неделю дача идет давленным зерном.

Комментарий специалиста

Кормление современной спортивной лошади мало отличается от представленного в главе, но к услугам спортсменов новые препараты, добавки и комбикорма, обладающие высокими энергетическими показателями, позволяющими заменить или дополнить традиционный овес.

Следует отметить, что различные породы имеют разную потребность в кормах, причем чистокровные лошади для поддержания хорошего внешнего вида и работоспособности требуют его значительно больше, чем тракененская или буденновская лошади, и это надо учитывать при составлении рациона. Хотя индивидуальные особенности и среди представителей этих пород сильно варьируются. Грамотный спортсмен умеет скорректировать кормление в зависимости от состояния здоровья и нагрузок, получаемых лошадью.

Глава III. Понятливость лошади

Самое трудное в выездке лошади – это заставить ее понять, что от нее требуется. Вопреки расхожему мнению, умственные способности лошади очень ограничены, а одарена она главным образом памятью. Приходится полагаться на память и на ней основывать выездку. Привязанность лошадь не чувствует, ей свойственна только привычка. Привычку лошадь приобретает легко, а иногда даже и слишком легко, и сохраняет ее, и часто в ущерб делу. Это обстоятельство не следует упускать из виду.

У одного моего приятеля была лошадь, которая шла на его голос, ржала при его входе в конюшню. Приятель полагал, что лошадь так к нему привязана, что не вынесет разлуки с ним. Я упрямил его отдать мне эту лошадь на время. Я узнал подробно ее привычки и на другой день в обычное время заставил ее работать, причем подражал голосу приятеля. В награду, как делал он, дал ей моркови. В положенное время сам задал ей корм. На другой день я общался с ней своим голосом, и лошадь ласкалась ко мне, не замечая даже, что я не прежний ее хозяин. После утреннего урока я сам раздаю моим лошадям большую дачу моркови. Лишь только лошади слышат мой голос, они начинают ржать. «Как ваши лошади знают вас, как они вас любят!» – говорят часто посторонние, которым приходится входить со мной в это время в конюшню. Если в положенное время кто-нибудь другой войдет в конюшню для раздачи моркови, то лошади так же будут ржать. Когда я вхожу после того, как лошади проели морковь, они не обращают на меня внимания. Лошадь совершенно равнодушна к тому, кто за ней ходит и кто на ней ездит. Впрочем, если бы было не так, то она повиновалась бы и служила только одному хозяину.

Комментарий специалиста

Эта глава весьма спорна. Она скорее соответствует особенностям поведения чистокровной верховой лошади, очень контактной и готовой работать с любым всадником. Многие отечественные породы, такие, как ахалтекинская, донская и буденновская, традиционно славилась преданностью своим хозяевам. Легенды не единожды подтверждались и современными примерами из жизни, когда великолепно подготовленные животные отказывались работать под новыми всадниками. Часто это служит причиной ограниченного использования лошадей этих пород в классических видах конного спорта, где подготовку лошади ведет берейтор или тренер, а выступает на ней совсем другой человек.

Многие европейские породы добились своей известности благодаря тому, что в свое время армейские лошади в обязательном порядке меняли своего хозяина. Так, например, в Германии кавалеристы каждые десять дней пересаживались на другую лошадь своего полка, что было обязательным и совершенствовало навыки верховой езды. У нас же до сих пор звучат песни о верности и преданности боевого коня своему хозяину. Видимо, каждая нация создает породы, соответствующие ее особенностям и требованиям, к ним предъявляемым.

Глава IV. Воздействие взгляда человека на лошадь

Вопреки множеству рассказов, я убежден, что выражение взгляда человека не имеет никакого влияния на лошадь.

Смотрите на лошадь строго, гневно, ласково – лошадь ничего не заметит. Много опытов в этом направлении делал я над молодыми и старыми лошадьми. Если у всадника работают только мускулы лица, а корпус, руки и ноги неподвижны, то лошадь ничего не испытывает. Пробовал я делать грозные глаза, улыбаться, но этим не производил на лошадь ни малейшего эффекта. Делайте гримасы, показывайте язык вашим лошадям, и ни одна из них ничего не заметит. Иное будет при малейшем движении корпуса, особенно рук.

Комментарий специалиста

Мимика лошади небогата. В общении между лошадьми она ограничивается движениями губ, поэтому в сигнальной системе человек – лошадь она также не имеет большого значения, в отличие от голоса. Взмах руки воспринимается лошадьми аналогично движению их передней конечности, что в общении между лошадьми выражает и гнев, и нетерпение, и раздражение.

Глава V. Воздействие голоса человека на лошадь

Голос, конечно только звук его, сильно действует на лошадь, то есть остается у нее в памяти. Говорите лошади нежные вещи строгим голосом – она испугается; грозите ей мягким тоном – она останется невозмутимой.

Голос служит драгоценным помощником при дрессировке на свободе. Обыкновенно слова команды – «шагом», «рысью» и «галопом» произносятся тоном, отвечающим живости аллюра, то есть: «шагом» – спокойным, «рысью» – повышенным, а «галопом» – строгим голосом. Скомандуйте ровным голосом «в галоп!» – лошадь пойдет шагом; крикните строго «шагом!» – лошадь пойдет галопом.

Голос одинаково полезен и при выездке под седло. Когда лошадь становится на дыбы, вообще сопротивляется, я наказываю ее хлыстом и шпорами и в то же время строго браню.

Лошадь прислушивается и запоминает. Впоследствии, если ей придется ошибиться или она делает попытку противиться, то иногда бывает достаточно повысить голос, и лошадь, вспомнив хлыст и шпоры, повинуется.

Приучается лошадь к голосу легче всего, когда слышит его при награде и ласке. Этим путем к нему ее и следует приучать. Ногами и руками иной раз вы не можете воспользоваться, но голос и интонация всегда в вашей власти. Представьте себе, что вы, сидя на горячей, нетерпеливой, строгой лошади, попали между экипажами. Руки и ноги тут вас не выручат, но если вы приучили лошадь к голосу и если она ему доверяет, то при звуках его она успокоится. Сколько раз выручал меня голос. Приучив лошадь к голосу, я избавляю ее от лишнего наказания. Я люблю и езжу только на горячих лошадях. На моих лошадях, но непременно приученных к голосу, ездят дамы, и до сих пор мне везло, так как несчастных случаев с ними не было.

Комментарий специалиста

Слух лошади очень хорошо развит. Она великолепно различает интонации, и, подкрепляя команды поощрением, вы легко добьетесь выполнения сложнейших элементов. Но современная высшая школа верховой езды исключает голосовые сигналы при выполнении элементов. Поэтому голос может служить вспомогательным орудием при формировании правильных навыков и на начальных этапах обучения. Многим приходилось сталкиваться с ситуациями, когда спокойным голосом удавалось добиться большего, нежели жесткими методами. И уж любой начинающий всадник сталкивался с тем, как лошадь реагирует на команду тренера, произносящего спасительное «Шагом!..».

Глава VI. Ласка и награда

Ласками не следует пренебрегать. Ласка и наказание лежат в основе обучения лошади, но применять ее, равно как и наказание, надо умело. Ласка успокаивает лошадь, поощряет ее и устанавливает, до времени физического воздействия человека, общение лошади с ним. Всякая, даже самая щекотливая лошадь дает себя хлопать по шее. С шеи и следует начинать знакомить лошадь с лаской. Хлопать по шее надо смело и настолько крепко, чтобы лошадь почувствовала, но, конечно, не грубо. Робкое и слабое похлопывание будет только щекотать лошадь.

Ласка всегда должна быть своевременна и следовать сразу за уступкой лошади, так же как и наказание должно являться сразу после ошибки. Одновременно с лаской отдайте повод и в течение нескольких секунд не требуйте ничего от лошади. Эти секунды свободы при ласке и будут самой действенной наградой для нее. Лаская лошадь рукой и в то же время ободряя ее голосом, вы, скорее всего, успокоите ее.

Комментарий специалиста

В общении между собой лошади часто применяют взаимные покусывания и почесывания зоны холки и шеи. Это говорит о доброжелательности и расположенности к общению, действует успокаивающе. Поэтому приручение молодых животных начинают с осторожного почесывания холки, по шее плавно переходят к голове. Это дает возможность позднее надеть на лошадь сначала недоуздок, а далее и уздечку.

Ласка и награда позволяют выработать положительные условные рефлексy на человека и в дальнейшем совершенствовать сложную сигнальную систему, основанную на учении известного физиолога. На этом и строятся взаимоотношения между лошаdью и человеком уже в течение тысячелетий.

Глава VII. Наказание

Выше я говорил, что обучение лошади основано на ласке и на наказании, что как ласку, так и наказание должно применять своевременно. Если лошадь заслужила, она должна быть наказана, и наказана строго, но наказание нужно применять сознательно и в заслуженной степени. С лошадью надо поступать как с ребенком, а ничего нет хуже, как, будучи в гневе, наказывать ребенка. Лошадь не поймет чувство, которое вами руководит. Она запомнит только боль и обстоятельство, при котором она ее испытала, и может воспринять только совпадение движения, которое она сделала, с ударом, который она получила, и больше ничего. Наказание теряет значение и даже сбивает лошадь с толку, если оно явилось не в момент проступка, а после него. Например, лошадь бьет задом. Если удар ваш пришелся в момент, когда задние ноги ее были в воздухе, то она запомнит, что за это движение ей и досталось. Если же вы наказали лошадь тогда, когда она уже опустила задние ноги на землю, то она не поймет, за что последовало наказание, скорее станет еще более бить, чтобы избавиться от того, кто причиняет ей боль.

Каждая сознательная, умышленная вина лошади должна быть наказана, но лучше совсем не наказывать, чем наказывать поздно. Плохо и то и другое, но из двух зол надо выбирать меньшее. Всегда следует выяснить причину, почему не слушается лошадь. Если она противится из упрямства или от злобности, то ее следует наказывать, и строго. В этом случае, чтобы затруднить лошади работу задом, надо поднять ей голову вверх, отчего тяжесть ее тела перенесется на зад. Если же лошадь не исполняет воли всадника от боли в пояснице или задних конечностях, то очевидно, что наказывать ее не за что, а, наоборот, нужно избавить ее от боли.

Комментарий специалиста

Эта глава не требует комментариев. Если бы все современные всадники выучили ее наизусть и пользовались истинами, изложенными в ней, им удалось бы избежать многих проблем в общении со своими питомцами.

Глава VIII. Рот лошади. Мундштучное железо, пригонка его и влияние на рот

Про трензель много говорить нечего. Он должен быть достаточно толст, следовательно, мягок. Лежать во рту лошади он должен за мундштучным железом, посередине между углами рта и грызлом. Мундштучное железо надо подбирать по рту лошади, и положение его во рту лошади имеет большое значение. Имея дело с молодой лошастью, нельзя сразу определить, какое железо ей подходит. Боше признавал, что у всех лошадей чувствительность рта одинакова, и использовал для всех лошадей один и тот же трензель и мундштук. Положение это я не признаю и буду доказывать его несостоятельность. Всякому, даже малоопытному человеку, имевшему дело с лошадьми, приходилось наблюдать, что одна и та же лошадь на одном железе идет лучше, чем на другом, что иная лошадь на простой уздечке идет хорошо и упирается и старается отделаться от мало-мальски строгого мундштука.

Какое железо годится для вашей лошади, может указать только опыт и примерка. Точных указаний для выбора железа нет, но по этому вопросу кое-какие данные все-таки существуют, а именно следующие. При начале выездки надо брать удило толстое, с дужкой средней величины, с короткими рычагами, то есть мундштук слабый. Ширина железа должна соответствовать ширине рта лошади, ибо если оно будет узко, то рычаги его будут давить ей на губы. Если удило широко, то лошадь, играя им или желая отделаться от него, станет передавать его на одну сторону рта. Одна сторона грызла будет лежать на десне, другая поднимется вверх, и на десне будет лежать не трубка его, а угол надъязычной дужки. Влияние руки на рот станет неравномерно, и лошадь будет идти в одном поводу, то есть держать голову на сторону.

Железо должно выходить на несколько миллиметров с каждой стороны рта лошади, так, чтобы рычаги не касались ее губ. Грызло должно лежать на середине расстояния между клыками и углом рта, немного ниже трензеля. Бывают случаи, когда от этого положения приходится отступать. Об этом будем говорить далее.

Нижние концы рычагов, уступая давлению поводьев спереди назад, перетягивают сзади на перед свои верхние концы, причем натягивается подбородная цепка, а трубка грызла давит на десны. Удило давит тем сильнее и быстрее, чем туже натягивается цепка. Очевидно, что натяжение цепки должно быть пропорционально чувствительности десен. Сразу определить эту чувствительность у совершенно сырой лошади невозможно. Лучше считать у каждой лошади рот чувствительным, чем тугим, вот почему надо пристегивать цепку слабо. Укоротить ее всегда будет возможно. Если цепку с первого раза натянуть коротко, то грызло тотчас надавит на десны до боли. Если после этого тотчас отпустить цепку и даже размундштучить лошадь, боль в деснах останется. Начиная с длинной цепки и постепенно укорачивая ее до нужной длины, сохраним десны свежими: лошадь не будет раздражаться и противиться. Если в начале работы даже лишь немного раздражить десны, то есть искусственно усилить их чувствительность, то не только нельзя будет узнать настоящую степень чувствительности рта, но даже можно будет попасть на ложный путь. Именно, не только надавленные, но и лишь раздраженные десны не успокаиваются тотчас после работы и размундштучивания, а болят еще несколько дней. На следующий урок лошадь идет с болезненными деснами, то есть их чувствительность повышена, а значит, и не верна. Всадник, не подозревая этого обстоятельства и ложно чувствуя лошадь, не будет понимать ее, а только будет увеличивать зло. В результате окажется, что всадник все дальше и дальше удаляется от правильного понимания рта лошади в здоровом состоянии. Итак, при начале выездки надо опускать цепку свободно, а еще лучше совсем обходиться без нее. Рот новой лошади необходимо изучить крайне осторожно, строго постепенно. Первое давление следует производить едва заметно и постепенно, но мягко усиливать его до тех пор, пока лошадь его не почувствует. Момент этот бывает различен. Если

лошадь сдала при давлении одного мундштука без цепки, то незачем и пристегивать ее. На всякий случай ее нужно иметь при себе, а надевать ее следует за оба кольца на один из крючков суголовья.

Никогда не следует прибегать к каким-либо строгим приспособлениям. К ним в случае необходимости всегда можно успеть обратиться.

Несколько лошадей мне удалось выездить не только в манеже, но и в поле, ни разу не надевая на них цепки. Повторяю еще раз, что цепкой пользоваться надо крайне осторожно. Напряжение ее должно быть только строго необходимое. Цепка должна быть пристегнута так, чтобы наибольшее давление мундштука получалось при угле рычагов с нижней челюстью в 45 градусов.

Как давление цепки должно быть пропорционально чувствительности десен, так и давление поводьев на челюсть должно быть пропорционально ее сопротивлению. Ничтожно сопротивление – тонко должно быть и давление. Давление железа тем слабее, чем выше место челюсти, на которое оно производится, и, наоборот, тем сильнее, чем ниже на челюсти эта точка приложения. Следовательно, мундштук надо поднимать или опускать, конечно не отдаляясь много от нормального положения грызла между клыками и углом рта, судя по тому, как лошадь сдает челюсть. Иными словами, чем мягче рот, тем выше должно быть поднято грызло, и наоборот. Во всяком случае, грызло не должно не только трогать, но даже прикасаться к клыкам или к углу рта.

Итак, из всего сказанного вытекает, что узнать, какую длину дать цепке и выше или ниже пригнать грызло, можно только опытом. Пригонку железа надо начинать со слабых приемов и осторожно усиливать их до степени, которую само дело покажет.

Комментарий специалиста

Современные всадники используют мундштучное оголовье, как правило, если они работают по программе высшей школы верховой езды. Но даже в этом виде конного спорта на начальных этапах при работе с молодой лошастью обходятся обыкновенной уздечкой. (Первые езды в возрасте четырех лет.) Во всех остальных видах конного спорта мундштучное оголовье не применяют.

Некоторые любители, не понимая, какой вред они наносят животному, стараются использовать как можно больше различных приспособлений, неграмотное применение которых мешает, а не помогает им в работе. Поэтому постарайтесь добиться правильного контакта со ртом вашей лошади при помощи хорошо подобранного трензеля, – выбор последних на сегодня очень широк и позволяет удовлетворить любые потребности, – а не стремиться к мундштучному оголовью, разобрать повод которого для многих является сложнейшей головоломкой.

Подгонка трензеля осталась прежней по толщине и длине. С углом рта трензель соприкасается, образуя одну-две небольшие, едва заметные складочки, то есть трензель лежит несколько выше, чем предлагает автор этой книги. Именно это помогает в большинстве случаев обходиться без использования мундштучного оголовья, работая трензелем на более высокой, а соответственно, и более чувствительной части челюсти.

Глава IX. Мартингал

Мартингал не дает лошади задира́ть голову и закидывать ее вверх, это облегчает всаднику в некоторых случаях управление лоша́дью. При езде в поле, если лошадь задирает или закидывает вверх голову, мартингал полезен. Эта лошадь выезжена поспешно или плохим берейтором. На лошадей же вполне и хорошо выезженных мартингал надевать незачем.

Мартингал бывает трех видов: шпрунт, охотничий и мертвый.

Из трех видов мартингала я допускаю только один шпрунт. Его пристегивают к переносью, поэтому он не имеет влияния на рот лошади и не соприкасается с рукой всадника, а потому и не опасен. Опускать шпрунт должно настолько свободно, чтобы лошадь могла поднимать голову, но не задира́ла ее до уровня ноздрей с ушами. Когда голова лошади задрана до такой степени, мундштук перестает действовать. Короткий шпрунт стесняет движения лошади. Если лошадь не идет на повод, то короткий шпрунт может оказаться и вреден, так как дает ей возможность встать за повод.

Охотничий мартингал имеет два кольца, в которые пропускается повод трензеля, то есть образуется блок. В руках умелого и опытного всадника он может быть очень полезен; в руках же неумелого он из-за строгости своей может быть даже опасен. Мертвый мартингал пристегивается к трензельным кольцам, поэтому опасен всегда. Опасность от него особенно велика в том случае, если лошадь пьется, так как он не сдает. Если лошадь, идя на мертвом мартингале, поднимется на дыбы или, что еще хуже, сделает свечку для того, чтобы вырвать повод, то она непременно опрокинется.

Комментарий специалиста

Чаще всего современные всадники используют охотничий мартингал при работе верхом с лошадьми, задирающими голову. На корде для молодых лошадей, имеющих эту привычку, применяют шпрунт или развязки, сделанные из эластичных, но достаточно жестких резинок, или кожаные, но имеющие вставки в виде эластичных резиновых колец.

Глава X. Седло

Не советую ездить на новом седле. Редко оно бывает удобно, так как на необмятой коже неловко сидеть. Лучше приобрести подержанное. Седло не должно быть высоко в передней луке, так как будет сбивать всадника назад; то же будет, но в обратном смысле, если слишком высока задняя лука. Сидеть всадник должен как можно ближе к спине, почему, по-моему, седло должно быть жесткое, без набивки. Короткие крылья могут стирать ноги всадника, а длинные мешают чувствовать бока лошади. Крылья седла должны быть по ногам всадника. Некоторые предпочитают седло с надколенной подушкой, а другие без нее. Это зависит от привычки.

Кажется, я первый начал выезжать лошадей высшей школы на жестком седле. Учеников я сначала сажаю на французское, а не на английское седло. Французское седло глубже, сидишь в нем, как в клещах. Когда новичок усядется на французском седле, надо посадить его на английское с замшевой покрывкой, а когда на рыси, галопе и поворотах он перестанет болтаться, то следует снять и покрывку.

Комментарий специалиста

Современная промышленность предлагает огромный ассортимент седел, от учебного до ковбойского. Для каждого вида конного спорта имеются свои конструктивные особенности. Лучше всего, если седло будет сделано из натуральных кож.

Особое внимание уделяется крепости ленчика. Современные технологии предоставляют для изготовления материалы, дающие гарантии на 25 лет использования без его замены. Формы седел разнообразны, их можно подбирать и по размерам всадника, и по видам спорта.

Желательно, чтобы за каждой лошастью было закреплено свое седло. Это позволит избежать лишних потертостей и заболеваний кожи. Этому требуют не только санитарно-гигиенические нормы, но и конструкция седла, соответствующая особенностям холки и спины каждой лошади. Хорошо, если всадник сам обминает новое седло, тогда оно точно соответствует и его анатомическим особенностям, поэтому мнение автора о приобретении подержанного седла является спорным. Для начинающих всадников наиболее удачным является учебное седло, позволяющее потом легко пересесть как в конкурное, так и выездковое без особых проблем и переучивания. Плоское седло без подушек коленных и седалищных встречается на ипподромных испытаниях в связи с ограничением в весе всадника и седла у молодых лошадей, проходящих скаковые испытания.

Глава XI. Стремена

Новичку я не даю стремян до тех пор, пока он на всех аллюрах не начнет твердо сидеть в седле. Правила этого держались в старину не только учителя французской школы, но и все обучающие езде. Прежние ездоки зато и сидели в седле не так, как нынешние. Не приходится более видеть гибкой, свободной и грациозной посадки всадников прежних времен. Учителя разучились учить, и ученики с первых уроков приобретают дурные привычки. Сидят теперь натянуто, с вытянутыми вперед ногами; ездят на стремянах, а езда на стремянах опасна. Эта манера сидеть большею частью бывает причиной падений. Вот примеры. В Сен-Жерменском лесу господин X. понесла лошадь, но ему удалось остановить ее, и он возвращался назад рысью, стоя на стремянах. Лопаются одно путлище, и господин X. летит с седла, падает на голову и убит на месте. Естественно, возникает вопрос: «Почему он убился?» Потому, что в момент, когда всадник стоит на стремянах, он не сидит в седле, а стоит над ним. Можно свалиться и сидя в седле, но все-таки, падая, можно задержаться ногами и этим ослабить силу удара. Если бы большинство современных всадников ездило в седлах, а не на стремянах, то не падало бы их так много, когда лопаются путлища. Другой пример. В Тулузе некий господин шагом выезжал из конюшни. Лошадь спотыкается, падает мордой вниз, господин летит через голову ее и тоже убит на месте. Ясно, что если бы он глубоко сидел в седле, то толчок от падения лошади не мог бы бросить его с такой силой. Стремена в таких случаях играют роль трамплина.

Все сказанное относится к езде в седле, то есть к седлу плоскому или глубокому. Короткое стремя высокого седла русского или среднеазиатского происхождения, то есть того, которое принято у нас называть казачьим, обуславливается совершенно противоположными основаниями.

Я привел эти два многим известных примера не для того, чтобы критиковать современных ездоков, а из желания доказать, как опасна езда на стремянах, а не в седле. Может быть, совет мой послужит кому-нибудь на пользу.

Стоя на стремянах, ездок стоит, как на трамплине. Толчок – всадника бросает вверх, как бы катапультой, и он летит через голову.

Трудно для лошади, даже когда она бьет, выбить из седла всадника, который глубоко сидит в седле, то есть тяжесть которого опущена на ягодицы. Если ему и приходится падать, то падает он сначала на шею лошади, затем будет скользить на землю; очевидно, что удар не может быть слишком силен. При езде на стремени корпус всадника естественно подается вперед, это облегчает зад лошади, следовательно, дает ей возможность бить, сколько и как сильно она захочет. Отправить ездока через уши ей ничего не стоит. Ездок на стремени подобен гимнасту, стоящему на руках другого гимнаста, который должен дать ему толчок для сальто-мортале. Ноги первого гимнаста должны быть вытянутыми, иначе при толчке он упадет на землю. Так же и ездок, стоящий на стремянах, лишь только согнет колени – тотчас должен опуститься в седло.

Надо заметить, что новичок и не удержит стремени до тех пор, пока не сядет в седло, то есть пока ляжка его не пойдет назад и нога от колена не опустится вниз. Он будет ловить стремя. Ноги, корпус и лицо его будут кривляться, а шея и плечи характерно гнуться. Раз ученик с первых шагов взял какую-нибудь дурную привычку, то отучить его от нее уже почти невозможно.

Комментарий специалиста

Обучение верховой езде сегодня проводится совсем не по методу Д. Филлиса. Начинающие всадники долго и мучительно ловят убегающее от них стремя пальцами ног и только после большого количества уроков робко и неуверенно, но осмысленно расстаются с ним на учебной

рыси. Только после этого, когда страх выпасть из седла перестает преследовать, начинается настоящая и интереснейшая работа по укреплению посадки, а в дальнейшем и по совершенствованию навыков верховой езды.

Длина стремени – вот еще один вопрос, который всегда интересует начинающего всадника. Длина стремени зависит от того, какую работу вы выполняете.

Если это скаковое седло и вы делаете резвые галопы, стремяна очень коротки. Жокей стоит над седлом, стараясь не мешать лошади развивать максимальную резвость, мало того, он раскачивается в такт движению лошади, помогая ей захватывать как можно большее пространство скаковой дорожки. Именно это движение и называется посылом.

Длина стремени спортсмена, занимающегося конкурром, несколько длиннее, но в принципе выполняет аналогичную функцию – упора. При прыжке лошадь также необходимо выслать вперед и перенести центр тяжести так, чтобы не мешать животному благополучно преодолеть препятствие. Хороший спортсмен великолепно справляется с этим и без стремени.

В выездке требования остались прежними.

Спортсмены, занимающиеся современным троеборьем, используют различную длину стремени, необходимую для данного этапа соревнования.

Выезжая на прогулку, всадники выбирают длину стремени наиболее комфортную: для дальних переходов длинные, для резвых прогулок или охоты более короткие.

Единым остается правило: чем менее опытен всадник, тем длиннее должны быть его стремяна, а лучше всего, если их не будет вообще. Это правило безопасности убережет вас от падений и позволит выработать уверенную и красивую посадку.

Все эти рекомендации относятся к седлам спортивного направления. Казачьи, ковбойские и другие виды седел, встречающиеся в различных странах и народностях, требуют отдельного рассмотрения. Езда на них имеет свои особенности. Предназначены они для длительных переходов, а не для парадной езды. Здесь не используют глубокой посадки, а хороший упор в стремя позволяет разгрузить спину и легко менять положение всадника при длительном пребывании в седле.

Глава XII. Хлыст

Я употребляю хлыст только при работе на месте, и то пока приучаю лошадь подаваться вперед и уступать шпоре. Раз я в седле – хлыст долой. Настоящему ездоку – шенкель и повод. Плохому – хлыст.

Комментарий специалиста

Хлыст – хороший помощник при работе с ленивой, неэнергичной лошастью и в ситуации, когда всаднику не хватает сил выслать лошадь (не хватает шенкеля). Кроме того, лошади, как и люди, бывают левши или правши и работают с большей охотой на одну или другую сторону. В этой ситуации даже присутствие хлыста в руке с проблемной стороны решает проблему. Таким образом происходит мягкая коррекция. Подкрепляя наградой правильно выполненный элемент, со временем вы исправите этот недостаток и сможете обходиться при его выполнении без хлыста.

Глава XIII. Шпоры

Я признаю только неподвижную шпору, вставленную в гнездо, в каблук. Она одна только держится твердо, и я в ней уверен. При всякой другой пригонке шпора шатается, и нельзя быть уверенным, что тронешь ею лошадь именно в то место, куда нужно.

При начальной выездке надо употреблять шпоры шарообразные и постепенно переходить к шпоре с гладким репейком. Строгая шпора нужна только в том случае, если лошадь не чувствует шенкеля и слабой шпоры.

Длину шпоры теоретически определить нельзя. Для всадника с короткими ногами нужна короткая шпора, так как каблук его не может быть ниже ребер лошади. Если у ездока длинные ноги, то ему нужны и длинные шпоры, чтобы не приходилось слишком заламывать ногу.

Комментарий специалиста

Шпоры, вставленные в гнездо каблука, сегодня, наверное, можно встретить только в музеях. Хорошо подогнанные под обувь, сделанные из современных сплавов шпоры по надежности и твердости крепления не уступят им. На начальных этапах выездки лошади, тем более начинающему и неопытному всаднику, шпоры не принесут пользы, а скорее навредят. Правила конного спорта строго ограничивают величину и форму репейка с одной целью – избежать травм у лошади. Формы, представленные автором, очень удобны и прошли испытания временем, именно они лежат в основе современных стандартных шпор для высшей школы верховой езды. Их различные модификации можно приобрести или заказать.

Глава XIV. Посадка

Признаю как общее правило, что всякий может научиться твердо и хорошо сидеть в седле, но на вопрос, можно ли из всякого сделать хорошего и элегантного всадника, отвечаю: «Нет».

Всякий, кто начал учиться у хорошего учителя, добросовестно работал над собой, имел терпение в продолжение нескольких месяцев трястись на рыси без стремени, садился и ездил на сильных и трудных, конечно, не опасных лошадях, – силою вещей приобретает шлюсс, то есть крепко и хорошо сядет в седло. Всадник на всех аллюрах, поворотах и прыжках должен держать голову прямо и свободно, поворачивать во все стороны и наклонять, когда нужно; смотреть во все стороны и видеть все, что делается вокруг него, препятствия, которые встречаются ему на пути, а не устремлять глаза в одну точку; шею не тянуть, плечи и руки свободно спускать вниз (сколько видишь теперь поднятых плеч!), локтями свободно, но плотно, на высоте пояса касаться корпуса, а не отводить их и не болтать ими (только при этом условии рука может быть мягка, а вести лошадь верно и без толчков можно только мягкой рукой); кисти рук держать только в одной плоскости и не выворачивать их внутрь (отчего локти отойдут от тела); пальцы слегка и настолько держать внутрь, чтобы напряжение рта лошади шло по прямой. (Действия на рот лошади производятся легкими движениями кисти рук, натягивая или отпуская пальцами повод. Если руки усиленно двигаются, значит, руки не на месте.) Корпус держать прямо, без натяжки. Только при свободной посадке возможно пользоваться шенкелями и поводьями. Если хоть одна часть тела натянута, то неминуемо закрепощаются вместе с нею и другие части, а при этом не только управлять лошастью, но даже и сидеть на ней становится невозможно. Поясницу не выгибать (причина натяжки), но слегка свободно подавать ее вперед, отчего она будет упруга; грудь держать прямо, вперед не выставлять; тазовые мускулы опускать совсем (необходимое и единственное условие для свободной посадки), чтобы корпус всей тяжестью лежал на ягодицах; ногу опускать вниз, сильно вниз по отвесу; ляжки и колени держать плотно к седлу; носок обращать немного наружу (это дает возможность встречать лошадь шенкелем раньше шпоры. Если носок слишком поставлен внутрь, шенкель отстает и шпорить приходится с удара).

Неподвижное колено служит блоком, дает возможность ноге опускаться по отвесу свободно, не обхватывая лошадь, то есть не держит ее в мертвых шенкелях. Хорошо сидит всадник тогда, когда он не держится ни руками, ни ногами за лошадь. Ноги и руки служат только для управления лошастью. Всадник держится в седле не силою сцепления, а равновесием. Нужен шенкель – нажать ногу от колена к пятке. Устали, не выдержали ляжки – значит, натянута посадка; колено ушло вперед и вверх – значит, всадник не сидит на лошади, а вцепился в нее. Если ляжки слишком поданы назад, то седок будет сидеть не на ягодицах, а, что называется, на луке. При такой посадке ездок, пожалуй, сидит и крепче, так как большее количество точек внутренней поверхности его ноги охватывает лошадь, но зато не может быть его полной связи с лошастью, особенно при переходе из галопа в рысь. Использовать такую посадку нужно только при атаке, чтобы не быть выбитым из седла в момент шока. Всадник должен сидеть в седле как на стуле.

Когда нога в стремени, каблук должен быть ниже носка. При езде без стремени ногу нужно опускать вниз свободно и каблук не тянуть ниже носка, иначе будут сокращаться мускулы ляжки и ноги, а раз что-нибудь сокращено, то, значит, и стянуто. (Немцы на езде без стремени требуют оттягивать ногу в каблуке. Этот прием сообщает немецкой посадке характерную натянутость; знаю я, что немцы по природе натянуты, но попробуйте так учить француза – сделается натянутым в седле и он.)

Длину стремени нужно пригонять по ноге. Традиционная пригонка его по руке дает приблизительно верную длину путлища, но все-таки, сев в седло, приходится стремя пригонять. Для пригонки надо, сев в седло, опустить ноги вниз и путлище выбрать такой длины, чтобы решетка стремени приходилась немного ниже щиколотки. Принято вообще чувствовать ногой внутреннюю дугу стремени. Я держу ногу посередине его. Привыкнуть вынимать ногу из стремени и ловить его на ходу очень легко, но предварительно надо развить подвижность щиколотки.

При езде на свободе я укорачиваю путлище на одну дырку. На резвых аллюрах и английской рысью ехать удобнее на укороченном стремени. В манеже наоборот, так как ногу надо опускать вовсю, чтобы низко сидеть на ягодицах, то есть чтобы лучше чувствовать движения лошади. Известно, что ощущение «чувствовать лошадь» очень редко кому дается, да и то после долгой науки.

Чтобы хорошо сидеть и иметь хороший вид в седле, надо обладать природными качествами.

Толстяк и человек приземистый менее годен для езды, чем худой и среднего роста. Многие думают, что высокий рост более подходит для верховой езды. По-моему мнению, слишком высокий рост мешает ездоку во многом, именно: чем выше туловище седока, тем выше поднят центр тяжести, следовательно, тем неустойчивее сидит ездок; при слишком длинных ногах каблук приходится ниже туловища лошади, и, чтобы дать шпоры, ездоку приходится тем больше сгибать ноги, чем он длиннее, а это не только некрасиво, но и портит посадку.

Повторяю тем не менее, что крепкой, свободной, прочной посадки и чувства уверенности в себе добиться может каждый, но приобрести их возможно только при условии: долго ездить, в начале обучения без стремян.

Я говорил, что немцы ездят натянуто, англичане тоже. Тем не менее всадники германского племени считались и считаются справедливо лучшими наездниками. Достигают они этого упорством в труде. Народы латинского племени среднего роста, ловкие по природе, более способны к езде, но не одарены терпением, довольствуются верхушками, почему и не достигают должного, хотя, конечно, во всех народностях встречаются отличные и плохие всадники.

Покуда всадник тянется, он не сидит на лошади, а только держится на ней. Напряженность корпуса, рук и ног препятствует всаднику чувствовать лошадь. Как он может чувствовать ее, когда он не сидит на ней, а только держится? Всадник может чувствовать лошадь только тогда, когда все члены его расслаблены, тяжесть тела его опущена на ягодицы, которые и приобретают способность ощущения того, что делается с лошадью. Свобода членов и глубокая посадка являются, следовательно, первым условием чувства «чувствовать лошадь».

Чтобы вселить новичку уверенность в себе, надо сажать его в первый раз на лошадь спокойную, с мягкими аллюрами. Уверенность в себе дается только первым уроком. Спокойствие за себя и уверенность в себе обеспечивают и в будущем возможность сесть в седло, то есть достигнуть полной отдачи всех мускулов. Если ноги новичка не особенно длинные, то сажать его надо на лошадь с плоским ребром, не широкоую. Вредно слишком широко расправлять ляжки, так как ученик будет уставать без пользы для дела. Мне приходилось видеть растяжения тазобедренного сустава от слишком сильной раздачи ляжек. Со временем ляжки от упражнений раздадутся сами собой.

Сажать новичка надо на уздечку, на два повода. Если сразу посадить его на мундштук, то руки от движения головы лошади пойдут за поводом, а за руками пойдет вперед и корпус. На уздечке этого легче избежать. Учить сразу легче, чем переучивать.

Итак, первое условие – это крепко сидеть в седле, а это возможно только после долгого упражнения в езде и под руководством знающего и умелого учителя. Для ездока необходимо хладнокровие и уверенность в себе, но шальная смелость совершенно ни к чему не ведет. Не

обладая названными качествами, ездок не сумеет вовремя ни применить своих познаний, ни воспользоваться своею силой и средствами управления.

Можно хорошо ездить верхом, не будучи всадником ученым. По-моему, тот всадник, кто поедет на всякой лошади, – будет лучшим всадником, чем любой теоретик. Теоретики обыкновенно только норовят лошадей, за выездку которых они берутся. У иного теоретика хватит крепости в седле настолько, чтобы потребовать от лошади какое-нибудь движение, но не настолько, чтобы настоять, особенно если она отказывается, исполнить требование. Теория тут не поможет.

Ничего нет хуже при выездке, как вызвать сопротивление лошади, не иметь смелости или умения вступить с нею в борьбу и побороть ее.

Комментарий специалиста

Совсем недавно хороший тренер по посадке нового всадника мог определить, где, в какой школе верховой езды тот начинал свое знакомство с конным спортом и нередко даже имя того, кто был его первым тренером.

Неправильная посадка мешает дальнейшей работе и требует длительного времени на исправление, но без нее нет всадника. Представленный в главе материал очень тщательно описывает, зачем и почему положение всадника должно быть именно таким, а не иным, и не требует каких-либо дополнений.

Немецкая школа верховой езды за долгие годы доказала свою правильность. А скованность всадников не помешала им становиться победителями и призерами всех Чемпионатов мира и Европы прошлого столетия.

И трижды прав автор, утверждая, что верховой езде можно научиться, только имея постоянную многочасовую практику. Ибо нет одинаковых лошадей на свете, к каждой нужен свой подход, в основе которого будут неизменные истины: терпение, внимание и любовь к своему делу.

Глава XV. Дамская езда

Посадка Амазонки

Амазонка должна сидеть, помимо положения ног и отсутствия шлюсса, так же, как и мужчина. Плечи на всех аллюрах дама должна держать параллельно ушам лошади, что возможно только при положении бедер в той же плоскости. От положения бедер зависит и посадка.

С некоторого времени входит в моду у дам езда по-мужски. Не говоря о том, что такая езда отнимает грацию, сидеть дама будет всегда слабее мужчины. Думаю, что дамы скоро откажутся от этой езды, так как падать будут чаще.

Обе ноги амазонки лежат налево, в таком положении тяжесть ее тела целиком лежит на правой стороне. При этом более облегченное левое бедро стремится назад. С этим надо бороться. И поэтому, повторяю, амазонка должна сидеть в седле, как на стуле, а бедра держать параллельно ушам лошади. Только тогда посадка будет правильная, следовательно, и крепкая. Налево упасть амазонке довольно трудно, так как с этой стороны ее поддерживают луки и отчасти стремя. Упасть же направо тем легче, чем более ушло назад левое плечо. При каком-либо беспорядочном движении лошади, особенно при закидке налево, корпус амазонки перемещается направо; если при этом левое плечо завалено, то равновесие совершенно нарушается и дама должна упасть направо, очень часто – на голову.

Правильная, то есть твердая посадка в то же время и элегантна. Для посадки необходимо: чтобы колени были возможно ближе одно к другому; правым плотно облегать спереди назад верхнюю луку, левое, при помощи стремени, упирать сзади вперед и снизу вверх в левую луку;

не заваливая левого плеча, корпус подавать слегка вперед.

При заваленном левом плече, даже на шаг, аллюре, на котором амазонка не отделяется от седла, посадка некрасива; посадка становится безобразной, когда амазонка едет так называемой английской рысью. При подъеме на стремени плечо быстро идет вперед, при опускании в седло оно отклоняется назад. Французы называют это уродливое качание штопором.

Ехать английской рысью надо, так сказать, из-под себя. Корпус не должен делать усилия подниматься над седлом – его поднимает движение лошади. Пружиной служат щиколотки и колени, почему и не следует тянуться. Малейшее напряжение и натяжка ноги или бедер утомляет амазонку и искажает посадку. Если амазонка английской рысью едет правильно, то один темп она сидит в седле, другой – стоит над ним. В противном случае она будет падать, а не опускаться, и сидеть она в седле будет два темпа. Утомительно и беспокойно.

О езде английской рысью буду говорить в главе «Рысь».

Само собой разумеется, что для амазонки необходима гибкость. Помимо практики в езде, развитию гибкости помогают танцы.

Кроме моды на мужскую посадку для дам, существует и другая выдумка: амазонкам ездить на обе стороны. Английская и американская печать трактует это так: езда по одну сторону в детском возрасте влечет за собой искривление позвоночника. Не знаю, что стало бы с детьми в пять-шесть лет, но ни у одной из девиц двенадцати-тринадцати лет, которых мне приходилось учить, никакого искривления не случилось. В Англии и Америке детей начинают учить обыкновенно кучера и егеря. Конечно, такие учителя, по неопытности, – что может случиться, впрочем, и с настоящими учителями, – могут проглядеть какой-нибудь пустяк (а пустяки переходят в важное), от которого впоследствии развивается какая-то ненормальность. При езде направо хлыст будет в левой, более слабой руке; хлыст же амазонке заменяет шенкель.

Остановлюсь на некоторых подробностях туалета амазонки, так как часто мелочи в нем являются большой помехой при езде. Малейшая складка на одежде может быть причиной появления ссадины. Для долгой езды, особенно охоты, вместо рубашки советую надевать коротенькую шемизетку, с перехватом у талии, из мягкой и тонкой материи. Воротничок и рукавички должны быть пришиты, а не приколоты (булавки падают и колют амазонку и лошадь). Вместо чулок надевать носки, так как подвязки задерживают кровообращение, а иногда надолго стирают ногу. Панталоны должны быть не слишком широки, чтобы не делать складок, и на резиновых штрипках. Под панталоны надевать рейтузы из вязаного трико или джерси, а еще лучше лосины. Сапоги голенищами мешают чувствовать лошадь и стирают ногу под коленом, почему лучше надевать ботинки, но ботинки не на пуговицах, а на резине. Длинный корсет даже опасен. Шляпа и вуаль должны быть плотно надеты, дабы не отвлекать внимания дамы от лошади. Позволю себе сказать, что дама, теряя шляпу, теряет и голову.

Я бы не решился вдаваться в чуждые мне подробности, если бы речь шла только о красоте вида амазонки на лошади, но мне приходилось видеть столько несчастных случаев, причиной которых была какая-нибудь мелочь туалета, что не сказать своего слова не могу.

Выбирать седло надо по амазонке и по лошади. Седло должно быть плоским, чтобы колено не лежало выше сиденья. Седло должно быть жестким, без набивки, чтобы ближе сидеть к лошади (с плоского и жесткого седла амазонке труднее съезжать набок и болтаться в нем, то есть уберечь холку лошади от наминок). Короткое седло причиняет травмы амазонке, длинное – набивает поясницу лошади. Чтобы дамское седло крепко лежало на спине лошади и не съезжало набок, надо выбирать под это седло лошадь с высокой холкой, не давать гриве попадать под переднюю часть седла. Некоторые лошади от этого бьют.

Скажу несколько слов о том, как сажать даму в седло. Знать это не столько нужно дамам, сколько полезно кавалерам, которым выпадает эта честь.

Обычно это делается так. Дама ставит левую ногу на руки кавалера, отталкивается правой ногой вперед на левую, отчего выходит, что амазонка всей тяжестью наступает на руки кавалера, дает ему, следовательно, толчок назад, который в этот момент отдаляет его от плеча лошади. Делать же надо это иначе. Амазонке следует поставить левую ногу на руки кавалера, правой ногой легко оттолкнуться вверх, настолько, чтобы левая нога выпрямилась. При этом корпус слегка подать назад.левой рукой опереться на плечо кавалера, а правой – на левую луку. Толчок вверх руки кавалера, легкая подача корпуса назад амазонки, – и она плавно опустится в седло и сядет из-под себя. Не амазонка должна искать седло, а сажающий ее кавалер. Если амазонка подпрыгнет, а не оттолкнется правой ногой, как сказано, то она обыкновенно в седло не попадает, а упадет на кавалера.

Этот традиционный способ сажать в седло с левой ноги, по-моему, не имеет смысла, и для меня необъясним. При этом способе, при толчке вверх, даме приходится делать полуоборот налево кругом, кавалеру же – пол-оборота налево. По-моему, разумнее садиться в седло с правой ноги. Правую ногу, которая ближе к лошади, поставить на руки кавалера, слегка оттолкнуться левой, чтобы выпрямить правое колено. Толчок руки кавалера – и дама поднимается вдоль седла без всяких поворотов. Не я изобрел этот способ.

Я знаю многих знаменитых наездниц, которые иначе не садятся в седло. Самому мне приходилось этим способом поднимать в седло некоторых коронованных особ. Испытайте, сударыни, этот способ, и я уверен, что вы примете его.

Сев в седло, амазонке следует, оправив юбку, тотчас правой ногой взять луку, так как, если лошадь не стоит, легко упасть. Пока дама не взяла луку, кавалер не должен выпускать ее ноги.

Слезая с седла, амазонка должна: вынуть ногу из стремени и подать кавалеру левую кисть руки; снять правую ногу с луки и подать правую руку; повернуться на седле боком, вытянуть руки, опереться на них слегка и, скользя по седлу, легко опуститься на пальцы ног, согнув

слегка колени, чтобы смягчить силу толчка. Повторяю, что дама, слезая, должна опереться руками и не прыгать, а скользить вдоль седла. Соскакивая с седла, дама упадет на кавалера, и если он не настолько силен, чтобы на вытянутых руках поддержать ее, то ей приходится скользить по нему. Неприятно, некрасиво и неприлично.

Не существует правил, с какой стороны должен ехать кавалер. Думаю, что кавалеру лучше ехать с правой стороны, так как в случае надобности с этой стороны помочь амазонке легче, чем с левой, на которой находятся ее ноги. Кроме того, разговаривая, амазонка поворачивается к кавалеру, подает левое плечо вперед, а это, как сказано выше, очень желательно.

Конечно, если что-нибудь угрожает с левой стороны даме, например экипажи, то всадник должен переехать на левую сторону.

Комментарий специалиста

Эта глава представляет собой прекрасную историческую справку о дамской верховой езде.

Современные всадницы гораздо лучше чувствуют себя в седле, сидя по-мужски, нежели на дамском седле, и нередко дают фору сильному полу не только в манеже, но и на скаковых дорожках.

В Европе существуют любители такого вида дамской езды, проводятся соревнования по выездке, преодолению препятствий и троеборью.

Дамское седло вы можете встретить в музее, оно великолепно показано на статуэтках Лансере.

Практическое применение в главе сегодня имеет только последний абзац.

Если вы сопровождаете даму или начинающего всадника, вы должны оградить его от возможной опасности. Или, если ваша лошадь более опытна и не пуглива, вы должны помочь справиться с молодой и более осторожной.

Часть вторая. Выездка и езда обыкновенная

Глава I. Работа на корде

За дело я принимаюсь со всеми лошадьми одинаково. На время урока на берцо (пясть) передних ног я надеваю фланелевые бинты. Бинты служат поддержкой сухожилий и защищают ноги пока еще неловкой лошади от ударов их одна об другую: этим сохраняются ноги от наливов и наконстников. После урока передние ноги разбинтовываю и на два-три часа забинтовываю задние, чтобы предохранить их от застоя. Нельзя постоянно держать ноги в бинтах; теплота разрыхляет клетчатку, отчего ослабляются сухожилия.

Лошадь приводят в манеж поседланной и замундштученной. Чтобы поводья не болтались и не попадали под ноги, я пропускаю их за подбородочный ремень. К левому кольцу трензеля пристегиваю корду и пускаю лошадь налево. Позволяю ей идти, как она захочет. Если лошадь сразу отходит от меня и идет к барьеру, я ее не трогаю; если она валится в вольт, то я показываю ей бич. Вид бича обыкновенно заставляет ее отойти во всю корду. Корду держу в левой руке, а бич в правой. Лошадь оставляю идти каким она хочет аллюром. Идя по своей воле, лошадь в это время знакомится с почвой под ногами, с манежем и с предметами, которые находятся в манеже и на его стенах. Сильная лошадь сперва козлит, потом скачет и, наконец, идет рысью. Через несколько минут она успокаивается. Вялая лошадь вперед идет неохотно. Надо показать ей бич, а если этого мало, то трогать ее осторожно бичом по окоркам (голеням) до тех пор, пока она не пойдет весело, галопом или рысью. Надо избегать всего, что может испугать лошадь. Смелый и резвый аллюр поддерживаю в продолжение пяти минут.

Эти пять минут резвого аллюра я требую только от лошади в полной силе, то есть хорошо выдержанной кормом (имевшей достаточное кормление в течение длительного времени). Чем слабее лошадь, тем короче делаю репризы, и постепенно довожу их до пяти минут. После пяти минут хода налево, то есть левым плечом внутрь, я бросаю бич, стараюсь голосом успокоить лошадь и набираю корду до тех пор, пока она не подойдет ко мне. Ласково разговариваю с ней, треплю по шее рукой, если дает – по голове. Отстегиваю корду и перестегиваю ее на правое кольцо трензеля. Даю лошади передохнуть, пускаю ее направо, начинаю то же упражнение и веду его в продолжение пяти минут. По окончании репризы опять бросаю бич, зову голосом лошадь, набираю корду и снова ласкаю ее. Прием этот я признаю необходимым при начале работы с лошадью и придаю ему огромное значение, почему и останавлиюсь на основании его!

Молодая лошадь всегда беспокойна. Тень, стены манежа, предметы на стенах его – все пугает. От всякого предмета, который ее испугал, она бросается внутрь манежа, где никого и ничего нет, кроме меня в центре его. Я показываю бич. При виде бича лошадь снова пугается и отскакивает к стене, от которой я ее уже не отпускаю, направляя бич к ее плечу. Под угрозой бича лошадь опять подходит к стене или предмету, испугавшись которого она бросилась в мою сторону. Испугавший лошадь предмет не двигается, а бич в моих руках постоянно идет за ней. Очевидно, неподвижный предмет должен казаться ей менее страшным, чем движущийся, почему, пройдя несколько раз мимо места испуга, она перестает бояться. Без настоящей необходимости наказание не применяю. Сильной лошади даю возможность набегаться рысью, даже галопом, чтобы она израсходовала излишек энергии, стала внимательней. Вялую лошадь подгоняю несколькими ударами бича.

Вялую лошадь не следует путать с лошадью равнодушной. Хорошее кормление и работа из вялой лошади могут сделать энергичную; равнодушная, даже сильная, лошадь обыкновенно не желает напрягать своих сил, а если и напрягает, то только если сама этого захочет. Такая

лошадь для неопытного всадника может быть и опасна. Слишком энергичная лошадь иногда невыносима, часто заносит, но все-таки, по-моему, лучше равнодушной.

Главное достоинство лошади – сердце, то есть желание идти вперед.

Итак, лошадь перестала бояться всего, что ее окружает. Пригляделась она скоро оттого, что никто не стесняет ее движения и не отвлекает ее внимания, так как на спине у нее ничего нет. Достигаю я первого успеха без особых усилий. Лошадь не била, не козила, не закидывалась.

Если я, вместо того чтобы взять лошадь сначала на корду, сразу сел бы на нее верхом, то кроме того, что все сказанное неминуемо случилось бы, я еще и упал бы вместе с лошастью, которая от непривычки к грунту манежа могла бы споткнуться.

Лошадь познакомилась с бичом, поняла значение прикосновения его к себе, научилась бояться его. Боязнь бича будет иметь большое значение в дальнейшем, а именно: если во время работы лошади придет в голову заупрямиться, что под плохим всадником всегда может случиться, то довольно будет одного вида бича, а если этого мало, то легкого прикосновения к ее бедру, чтобы заставить ее идти вперед. В этом случае бичом следует действовать осторожно, не неожиданно, чтобы не вызвать у лошади нового сопротивления.

Работа на корде дает возможность, подгоняя бичом зад лошади под нее самое, доводить рысь до полного размаха.

Лошадь, сначала по необходимости, а затем по привычке, приучается поддерживать сама себя.

Упражнение на корде без всадника на спине, то есть при полной свободе движений, вымахивает лошадь. Она приобретает гибкость, ловкость, уверенность в себе и верность ноги. Думаю, что все это весьма существенно.

В упряжи лошадь поддерживается хомутом, под седлом – поводом, на корде она не имеет упора, отчего в самой себе должна искать поддержку, вырабатывать чувство равновесия и ловкость.

Пятиминутные репризы на корде полным ходом в обе стороны развивают лошади дыхание, так как легким ее приходится работать хорошо, и вместе с тем служат для нее необходимым моционом. Если выездку лошади начинать под всадником, то ее первые уроки необходимо проводить на шагу, следовательно, лошадь не может иметь необходимого моциона, и легкие ее не получают такого развития.

Два-три первых урока я оставляю лошадь идти теми аллюрами, какими она хочет, лишь бы они были размашисты и лошадь держалась стенки барьера. На дальнейших уроках я требую только одной рыси.

От всякой лошади за три-четыре урока добиться рыси нетрудно. Берейторы обыкновенно гоняют лошадь на корде, имея при себе кордового, и этот способ рекомендуют все руководства. Я его не признаю. Два человека не могут достигнуть полного согласования своих движений, и случается, что, когда один хлопает бичом, другой набирает корду. Гонять лошадь на корде следует так. Предположим, что лошадь идет налево. Она у стенки. Берейтор должен держаться лицом к лошади на высоте ее плеча, вести ее постоянно между кордой и бичом, то есть кордой ее перед, а бичом зад, и всегда идти с лошастью, а не за лошадью.

Чтобы идти с лошастью, а не за лошадью, держась высоты ее плеча, надо ходить по диагонали, вытягивая и убирая попеременно руку. При ходьбе по кругу может закружиться голова. По диагонали можно ходить сколько угодно, не уставая.

Чтобы заставить лошадь идти рысью, я трогаю ее слегка бичом, обхватывая им ее зад. (Лучше трогать плечо, но если берейтор не имеет огромного опыта во владении им, то лучше этого способа не пробовать, особенно с молодой лошастью. Вместо того, чтобы верно тронуть плечо, бич может коснуться или ударить по голове, – лошадь быстро откинется назад, то есть сделает движение, противоположное тому, какое от нее требуется.)

Если лошадь податлива, то достаточно щелкнуть языком, чтобы поднять ее в рысь. Но не советую никому злоупотреблять этим звуком, особенно когда приходится ехать в компании. От щелканья языком могут иногда произойти неприятные неожиданности.

Корду не следует натягивать, но держать ее так спокойно и ровно, чтобы лошадь чувствовала только тяжесть ее и могла бы ясно ощущать колебания, которые сообщает корде берейтор в случае необходимости.

Если от прикосновения бича лошадь делает скачок и идет вскачь, то я сдерживаю ее легкими колебаниями корды, успокаиваю голосом и покрикиваю: «Рысью...» При всей своей малой смышлености лошадь скоро заметит совпадение ощущения во рту от колебания корды со звуком голоса. Сначала она поддается обоим впечатлениям, а затем и одному – звуку голоса. Добившись от лошади широкой, ровной рыси в продолжение целой репризы, я начинаю полегоньку колебать корду, громко, но ласково покрикиваю: «Ша-гом!...» – и перевожу ее из рыси в шаг.

Лошадь должна подходить к берейтору сама. Чтобы приучить ее к этому, я осторожно укорачиваю корду и мелким шагом пячусь назад так, чтобы лошадь меня обгоняла, и, сокращая круги, приближалась ко мне.

Когда она подходит ко мне настолько близко, что я могу достать ее рукой, – глажу ее по шее и успокаиваю голосом. Чтобы лошадь не испугалась и не отпрянула назад, то есть не стала делать обратного тому, что мне нужно, я все время стараюсь ни на волос не податься вперед. Если ничто лошадь не испугало и мне удалось дать ей понять, что бояться меня нечего, то она скоро освоится и будет смело подходить.

Часто лошадь, желая отделаться от работы на корде и зная, что на середине манежа ее оставляют в покое, сама старается подойти к берейтору. Этого допускать не следует, так как, хотя лошадь и должна доверять берейтору, но подходить к нему она должна только по призыву. Приучаю я ее к этому бичом, но не снимая первое время корды. Поступаю я следующим образом. Ставлю лошадь у стены манежа, чтобы одной стороной она не могла податься вбок. По бедру, ребрам или плечу свободной стороны лошади слегка похлопываю бичом. Конечно, лошадь слегка откинется назад, но я не даю ей осадить, так как крепко держу ее за корду и, чтобы ободрить ее, ласково покрикиваю.

Иногда для призыва ударяю лошадь бичом по груди. Относительно этого приема позволяю себе некоторое отступление. Когда что-нибудь уколет лошадь, не бывшую еще в руках, она не отшатывается от укола, но, напротив, налегает на то место, где чувствует боль. (Если муха кусает лошадь в бок, то лошадь до тех пор валится на этот бок, пока обо что-нибудь не раздавит муху. Дальше будет видно, что лошадь подается вперед или куда требуется под ездом при нажатии шенкеля или шпоры только вследствие выездки, но никак не потому, что это было ее инстинктивной потребностью.)

Возвращаясь к призыву ударом бича по груди лошади.

Итак, лошадь видит бич и тотчас чувствует удар им по груди, то есть боль. Увидев бич, она, испугавшись его, тут же бросается назад. Почувствовав от бича боль, лошадь, как сейчас я объяснил, инстинктивно бросается вперед, по направлению, откуда получила боль. Поддаться первому чувству испуга и осадить ей не удалось – не допустила корда. Лошади остается только поддаться второму чувству, инстинктивному велению броситься по направлению боли, и она подается вперед. Тогда надо ослабить корду и погладить лошадь. Если, приучая лошадь этим способом идти на бич, берейтор не испугает ее и не задержит в момент, когда она бросилась вперед, то лошадь скоро поймет и после нескольких уроков будет идти на призыв. Когда лошадь смело идет на бич, надо оставить корду.

Приучаю я лошадь идти на призыв бича без корды теми же приемами, которые сейчас были описаны на корде. Пока еще корда не оставлена, я постепенно уменьшаю воздействие ее на рот, так, чтобы лошадь все более и более отвыкала от этого воздействия, и соответственно

усиливаю работу бичом, всегда встречая бок лошади, в сторону которого она хочет податься. В конце концов лошадь привыкает идти на призыв бича без соответственного призыва кордой, тогда начинаю приучать лошадь ходить за мной по манежу и делаю так.

Пячусь назад, держу лошадь в биче с той стороны, в которую она хочет податься, и ударяю им по заду ее при малейшей заминке. Когда лошадь станет ходить за мной, отстегиваю корду. Часто случается, что без корды лошадь бича не слушает и убегает. Тогда я вступаю с лошадью в борьбу, гоняюсь за ней по манежу и сыплю на ее зад удары до тех пор, пока не подойдет ко мне. С первого взгляда слова мои покажутся невероятными. Лошадь, преследуемая мной с бичом в руках, покружив по манежу во весь мах, запыхается; ей необходимо остановиться отдохнуть. По опыту она знает, что, пока она у барьера, бич всегда идет за ней, а на середине манежа она его не видит; лошадь это сообразит и будет пробовать подойти к этому месту отдыха. Берейтор должен ловить момент, когда лошадь замедлит ход, готовясь свернуть на середину манежа. Он должен тотчас же воспользоваться бичом, отхватить лошадь от барьера, призывая ее тем же голосом, каким он делал призыв, пока лошадь была на корде. Если лошадь упорствует и держится у стены, – новая гонка по манежу до тех пор, пока она не сдастся и пойдет.

Работа лошади на корде представляет работу только подготовительную. Работа эта приучает лошадь к человеку, учит ее повиноваться ему. Лошадь работает на корде одна, без всадника, никто и ничто ее не раздражает, следовательно, ничто не вызывает сопротивления. Работая на корде, берейтор имеет возможность, не подвергаясь ударам лошади, давать ей чувствовать на расстоянии свою власть.

Я не сторонник капцуна, разве только для лошади очень злой. Во всяком случае, капцун должен быть легкий и хорошо подбит.

Все берейторы употребляли и употребляют корду, но придавали и придают ей различное значение. Боше ее совсем не признавал. Что касается меня, то я очень ценю пользу корды, но не смотрю на нее как на средство утомлять лошадь, чтобы потом легче укротить ее.

Когда лошадь идет и исполняет на корде все, сказанное выше, я перехожу к работе в поводу.

Комментарий специалиста

Молодых лошадей при работе на корде рекомендуют бинтовать как на передние, так и на задние конечности. Часто вместо бинтов используют нагавки, защищающие конечности от травм и не перетягивающие кровеносные сосуды. Если конечности лошади не греются и нет признаков травм, бинтование после работы не применяют. В случае появления отечности или повреждений кожного покрова используют ветеринарные методы лечения. Очень полезны после работы холодные ванны (замывание ног под шлангом или прогулка по воде) или влажные бинты, охлаждающие гели или охлаждающие гелевые нагавки. В зимнее время ноги следует замывать теплой водой, особенно после работы в городских условиях, где используют различные солевые растворы для борьбы со снежным покровом на мостовых и тротуарах. При больших нагрузках можно использовать бинтование ног со льдом или чистым снегом, при отсутствии других охлаждающих средств.

Если вы работаете лошадь на обычной уздечке, корду пристегивают к дальнему трензельному кольцу, предварительно пропустив ее через ближнее, или используют тренчик, проходящий через оба кольца, и за него пристегивают корду.

После того как лошадь научилась работать от голоса и колебания корды, можно перейти к работе на недоуздке или капцуне, который снова входит в моду. Он освобождает рот лошади от трензеля, но приносит и неудобства, травмирует храп и нос лошади. Работая с ним, вы избавляетесь от необходимости перестегивать корду при смене направления движения, так как корда может крепиться к центральному кольцу, но аналогичного эффекта вы можете добиться,

работая лошадь на недоуздке, продев через боковые кольца ремень с одетым на оба конца подвижным кольцом. При работе с лошастью нужно стараться избегать любых травм и необоснованных болевых ощущений.

Работу на корде разбивают на несколько этапов. Первый – подготовительный; лошадь пробует грунт, знакомится с методами воздействия на нее кордой, бичом, голосом. Второй – разминочный, включает в себе интенсивную работу на рыси при максимально распушенной по длине корде, в одну и другую сторону. Третий этап, который дает возможность восстановить дыхание и отработать послушание, – шаг. Четвертый – галоп в обе стороны – дает возможность выплеснуть накопившуюся энергию, и последний – заключительный – снова восстанавливает дыхание перед окончанием работы и дает возможность остыть разгоряченному организму.

Длительность всех этих реприз зависит от состояния здоровья и тренированности организма лошади и колеблется от одной-двух минут до десяти-пятнадцати минут. Возможны изменения в последовательности при работе на корде, но желательными и обязательными являются первый и последний этап работы на шагу. Часто первый этап превращается в произвольный выброс энергии застоявшейся молодой лошади. Берейтор должен по возможности сдерживать эти порывы животного, так как, ограниченная длиной корды, лошадь может получить травмы, связанные с растяжением сухожильно-связочного аппарата при падении, незнании грунта, недостаточной ловкости, еще до конца не сформировавшейся координации движений на ограниченном кордой пространстве.

Глава II. Работа в поводе

Подавание лошади вперед

Оставив корду и бич, принимаюсь за трензель и хлыст. Трензель заменяет корду, а хлыст – бич. Работаю тем и другим как будто теми же кордой и бичом.

Лошадь у барьера идет налево, я стою у ее левого плеча.

В левую руку беру концы трензельных поводьев и хлыст. Хлыст лошадь видеть не должна, для этого я и держу его вдоль левой ноги. Правой рукой беру ровно и крепко те же трензельные поводья, близко от рта лошади, под ее подбородком. Делаю несколько шагов вперед. Если лошадь подается за мной сразу, то я ласкаю ее. Если лошадь упирается, то, занося левую руку назад, концом хлыста я всего лишь трогаю ее около подпруги. Обыкновенно молодая лошадь отказывается идти вперед, и приходится не только трогать ее, но и ударять хлыстом.

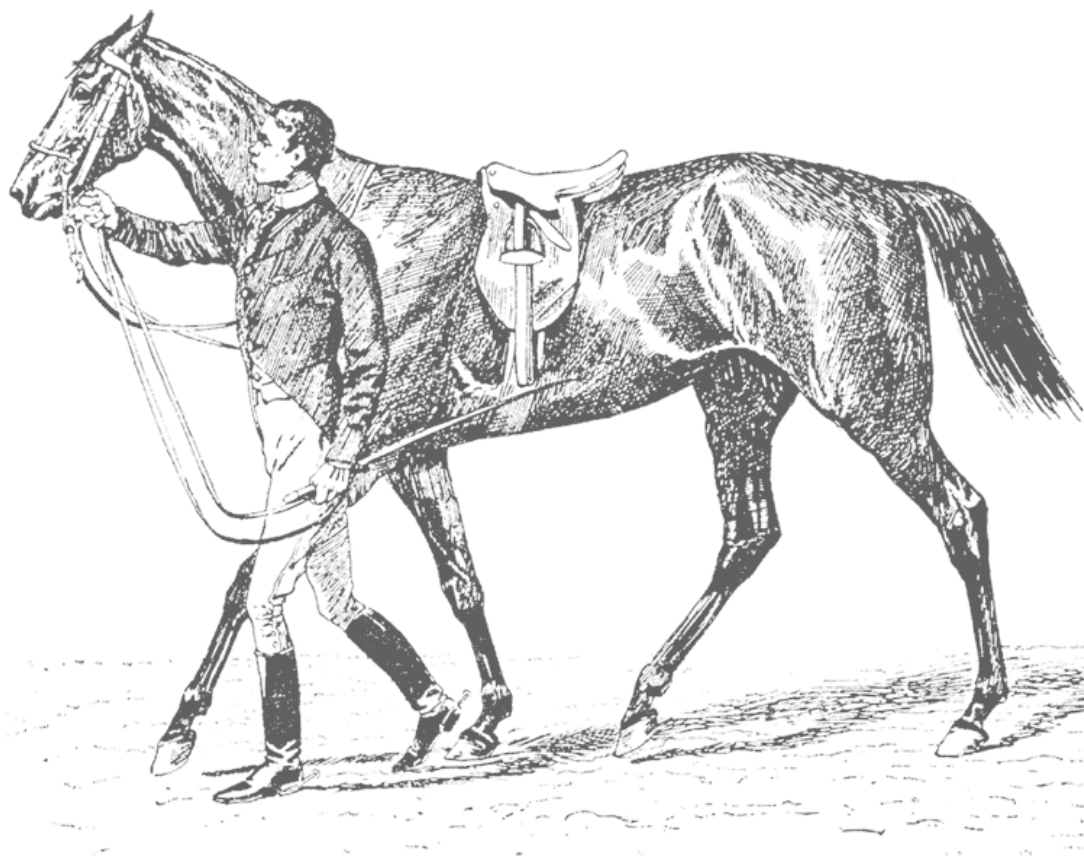

Рис. 1

Теперь прошу полного внимания читателя. Наступает решительная минута, от которой зависит будущее выездки. Надо понять и помнить, что в этот момент лошадь не сознает, что от нее требуют, и не отдает отчета в том, какими принудительными средствами располагает берейтор. Лошадь пока испытывала только успокоительное влияние ласки и еще не боится наказания. Вспомним, что выездка основана на своевременном применении того и другого. Продолжаю: лошадь должна податься вперед, но она упирается. При том положении, в котором я к ней стою, попятиться ей хотя и трудно, но возможно. (От неготовой лошади всего следует ожидать, так как она свободно располагает своими силой и массой.) Правой рукой я

держу верхнюю часть трензельных поводьев в том месте, где должна быть цепка. Руку эту я вытягиваю вперед и этим движением как бы толкаю лошадь вперед, а левой, не выпуская конца трензельных поводьев, трогаю хлыстом за подпругами. Спокойная, мало впечатлительная, не слишком нервная лошадь обыкновенно подается вперед довольно плавно. Лошадь впечатлительная сделает прыжок, встанет на дыбы, бросится в сторону или просто осадит. Это обыкновенные четыре вида отказа лошади, к которым надо быть всегда готовым.

Рассмотрим каждый из них. Если лошадь сделала прыжок, то нужно мгновенно поднять ей голову, чтобы переместить тяжесть ее тела назад. (С поднятой головой лошадь прыгать не может.) Чтобы лошадь не ударила передом, надо держаться близко у ее плеча. Опаснее, если лошадь встает на дыбы. Тут приходится правую руку разжать и выпустить из нее повод, а чтобы лошадь не могла достать передом и ударить, надо быстро вытянуть левую руку и, отдав поводья во всю длину, сделать полуоборот влево и стать перед ней. На расстоянии повода и руки лошадь не заденет. Когда лошадь опустилась на землю, то следует осторожно подойти к ней (пряча хлыст) и снова взять правой рукой за поводья. Если лошадь опять хочет подняться, то сильно и твердо налечь на трензель, и, когда после нескольких попыток ей этого не удастся, она этот прием отказа оставит, но зато может броситься в сторону, то есть влево, так как справа у нее барьер. Упор в левый повод трензеля и удар хлыста по боку не дадут ей разойтись. Если лошадь осаживает, то надо, встав перед ней, согнуть ноги в коленях и подать корпус назад, повиснуть обеими руками на обоих поводьях. Лошади придется на затылке тянуть берейтора. Она скоро устанет и, вытаращив на него глаза и глубоко отдуваясь, остановится. Надо, смотря ей в глаза, стараться угадать, покорилась ли она совершенно или будет продолжать упрямиться (с опытом можно угадывать намерения лошади). Я так привык к тому, чтобы лошади таскали меня на подошвах по манежу, что на трех-четырех шагах останавливаю всякую.

Не следует отставать от лошади, пока она противится, тем более прекращать урок. Когда лошадь покорится, то теми же приемами я снова заставляю ее подаваться вперед и останавливаюсь только тогда, когда она совершенно уступит.

Боше, подавая лошадь вперед, становился перед ней, брал трензельные поводья на половину их длины, а хлыстом бил ее по груди. Я говорил уже об ударах хлыстом по груди лошади, поэтому, в принципе, про удары в это место ничего не могу сказать, но нахожу, что держать повод на такой длине опасно. Если удар по груди покажется лошади щекотливым, то она ударит передом, и на таком расстоянии может попасть в берейтора. Что касается практичности этого способа, то скажу, что при дальнейшей выездке применять удары хлыстом по груди не придется, тогда как ударом по боку надо будет приучать ее к пониманию действия шенкелей и шпор. Наконец, при методе Боше лошадь подает вперед сначала перед и передом тянет за собой зад. При моем способе она подводит сначала под себя зад и задом толкает вперед перед, а в этом и заключается основание выездки.

Комментарий специалиста

Работа лошади в руках сейчас применяется редко, всадники, как правило, форсируют этот этап подготовки. Именно поэтому все реже можно встретить грамотно выведенную и поставленную на выводке лошадь, что немаловажно при продаже на аукционе.

Интересно представлена техника безопасности при работе с молодой лошастью, ее соблюдение остается актуальным и по сей день.

Приемы, описанные в этой главе, доступны любому и очень полезны на ранних этапах работы с лошастью, причем мундштук как таковой в этой работе не нужен. Вы можете обойтись обыкновенной уздечкой с трензелем.

Глава III. Ставить лошадь. Работа затылка, то есть сгибание его по вертикальной плоскости. Прямое сгибание

Когда лошадь подается вперед, идя по барьеру налево, я прохожу с ней то же упражнение направо, и когда достигаю успеха и на эту сторону, то перехожу к «постановлению».

Держусь по-прежнему у ее левого плеча. Правой рукой беру мундштучные поводья на двенадцать-пятнадцать сантиметров от рта лошади. В сжатой ладони левой руки сжимаю по-прежнему концы трензельных поводьев, а свободными пальцами этой же руки беру трензельные поводья выше на пятнадцать-двадцать сантиметров. Перевожу руку с поводом перед мордой лошади и ставлю ее на длину поводьев, считая от рта ее, выше храпа. Очевидно, трензель будет давить на верхнюю челюсть сзади вперед и снизу вверх, и в этом направлении натягиваю сперва трензельные поводья. Затем правой рукой натягиваю мундштучные поводья спереди назад и тоже снизу вверх (рис. 2).

Прием постановки левой руки впереди морды лошади и выше храпа служит для того, чтобы:

трензель, действуя сзади на перед, заставлял лошадь подаваться вперед и не давал бы ей возможности замяться или осадить;

действуя снизу вверх, держать голову вверх в то время, когда мундштук станет надавливать на нижнюю челюсть, и заставлять лошадь сдать затылок и разжать рот, то есть не дать лошади опустить голову и шею вниз и упереться затылком. Действие трензеля уравнивается действием мундштука.

Много лошадей при прямом (работа затылка) и боковом (работа ганашей) сгибаниях, уступая поводу, поворачивают нижнюю челюсть в сторону. Челюсть не уступает руке по оси сгибания, а отходит вправо или влево. Такое поведение является не уступкой, а очень вредной манерой лошади отделяться от повода. Бороться с этим надо, прибегая к энергичному посылу. Лошадь, свернув челюсть в сторону, верно держаться не может, хотя голова и шея ее стоят верно; она будет иметь вид лошади, идущей в поводу, но в действительности она в поводу не будет и быть не может, так как не может быть у нее верной чувствительности рта. Отделяясь от ровного повода, она неминуемо станет затылком, а то и за поводом.

Если лошадь не подается вперед, то сильнее натягиваю трензель; если она не сдает затылка, не разжимает рот, то сильнее надавливаю на мундштук. Попеременно натягиваю поводья то трензеля, то мундштука.

Натягивать поводья при этой работе следует не твердо и не протяжно, а легкими приступами, не такими короткими, как цука, но и не настолько долгими, чтобы лошадь могла лечь на повод (упереться). После ничтожной, едва заметной уступки я отдаю повод и ласкаю лошадь. Возобновляю приемы, требуя большей уступки, после которых опять отдаю повод и глажу. Надо добиться, чтобы лошадь не только сдавала затылок, но непременно раскрыла и рот, сдала бы и челюсть (подала назад нижнюю челюсть). В сдаче челюсти заключается конечная цель этого рода сгибания.

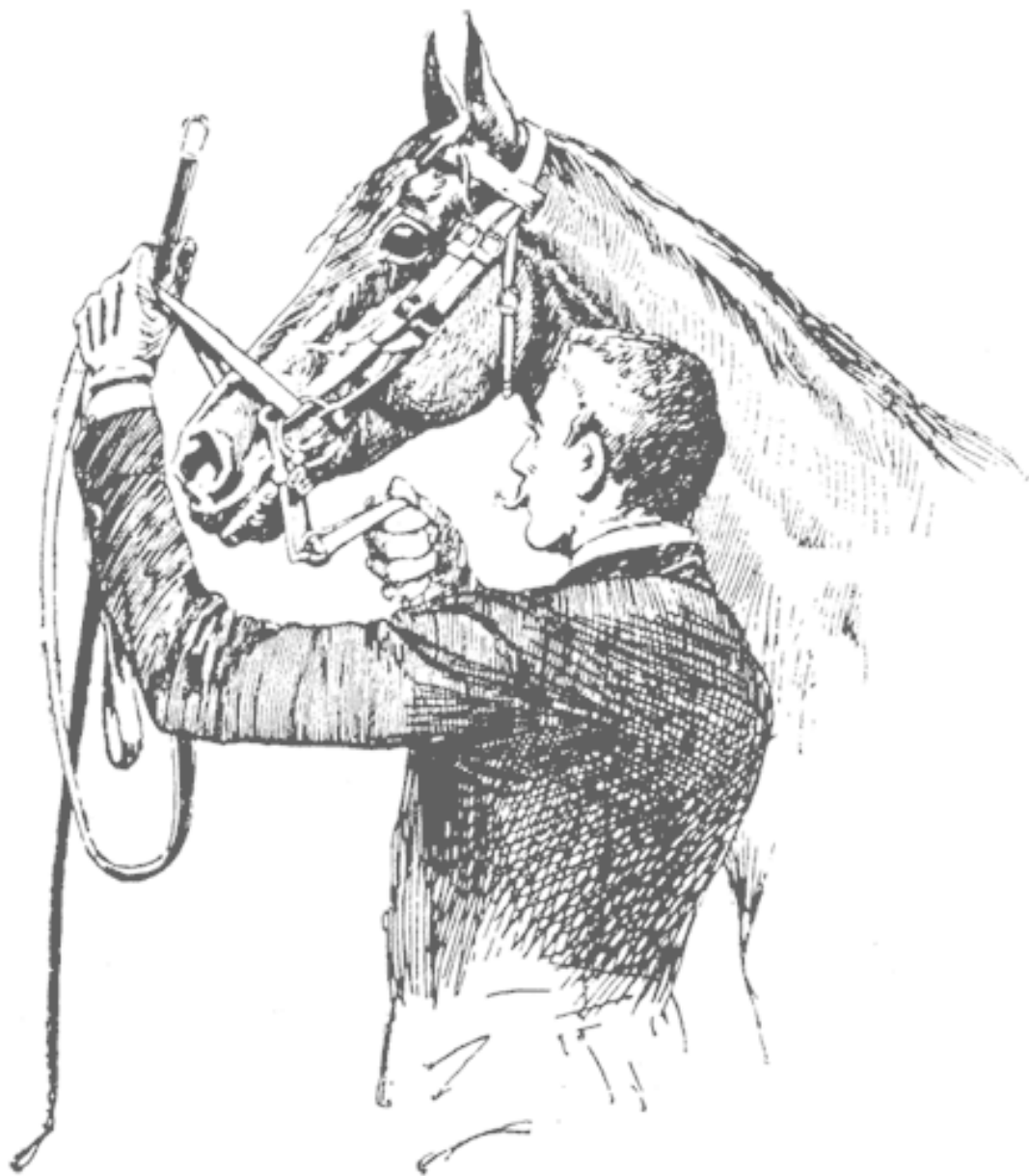
Пока лошадь сдает только затылок, а не челюсть, это значит, что она упирается, то есть передает тяжесть челюсти назад, за точку равновесия. В таком положении она может осадить.

В противодействии сменяющих давление трензелей и мундштука и заключается вся сущность работы прямого сгибания (работа затылка) – именно, когда трензель зовет лошадь вперед, мундштук, задерживая голову, гнет ее в затылке назад и заставляет сдавать челюсть. Производя попеременно давление то на трензель, то на мундштук, берейтор может применять тонко и умно великое правило берейторского искусства – принять на повод и сдать повод. Этот основной прием, называемый работой поводом, заключается в том, чтобы рука берейтора нажимала повод в момент, когда лошадь уперлась на него, и сдала бы повод в момент, когда

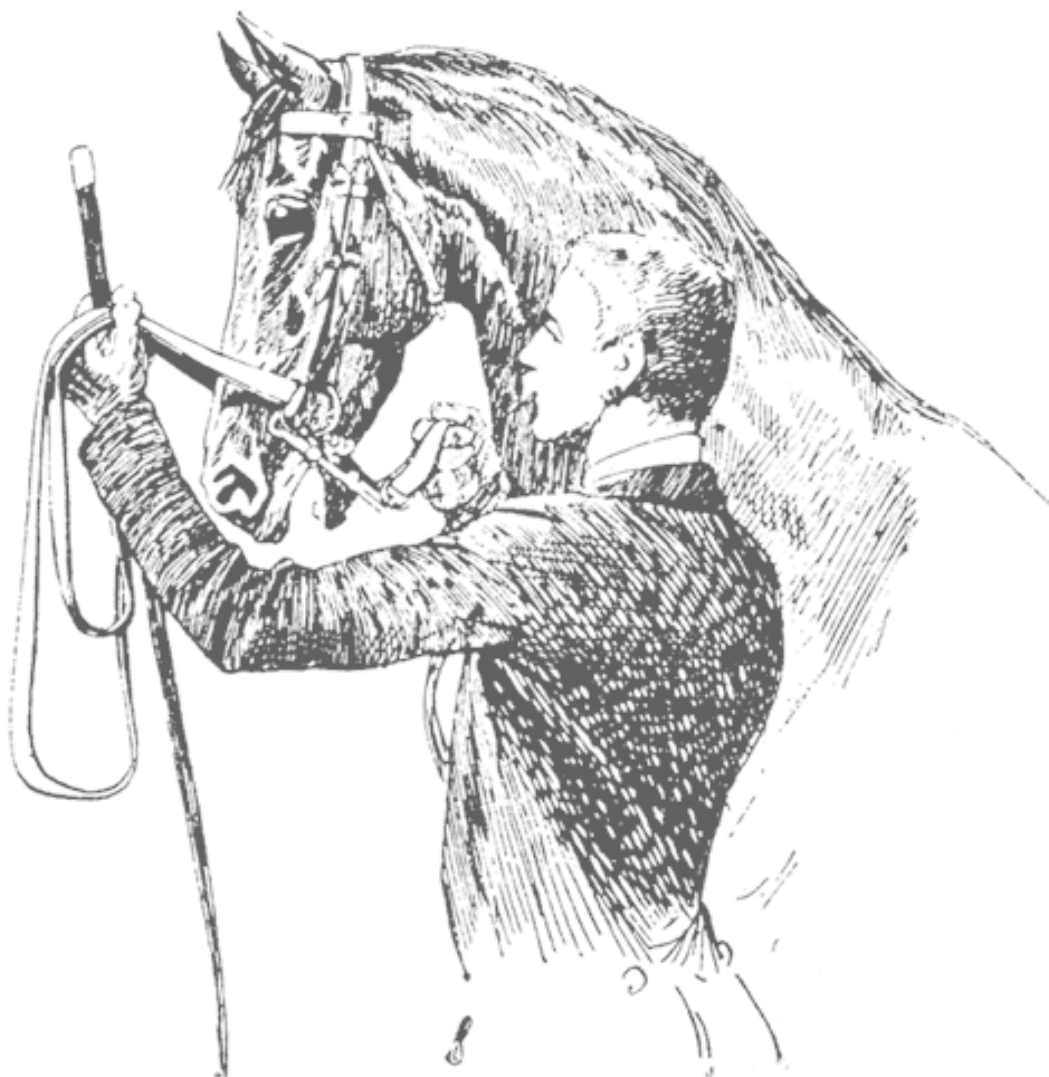
лошадь сдала его. Эти воздействия должны следовать одно за другим, и каждое последующее должно требовать большей уступки в сравнении с той, которая получена в ответ на предшествовавшее ей давление мундштука. Лошадь начинает жевать железо, но этого недостаточно, а надо добиться того, чтобы она совершенно перестала упираться на него, сдала бы его.

Когда лошадь сдаст челюсть, возьмет повод, – тотчас, но плавно надо отдать поводья. Во все время работы поводьев надо хлыстом подталкивать по боку, чтобы лошадь не замялась или не задержалась на ходу (рис. 2, фигура 2 и рис. 6, фигура 2).

Такая тонкая работа доступна только руке мастерской. Развить обыкновенную хорошую легкую руку нетрудно, и для обыкновенных требований езды хорошей руки достаточно. Часто, однако, встречаются ездоки, которые целую жизнь работают поводом и все-таки не понимают сути дела, натягивают повод, когда лошадь сдает, и сдают, когда лошадь ложится в повод. Мастерская рука работает обратно, это рука истинного берейтора, твердо сжатыми пальцами он упирает в повод тогда, когда лошадь легла на повод, и с быстротой электричества разжимает их, когда лошадь уступает в челюсти. Словом, сдает, когда лошадь сдает, и упирает, когда лошадь упирает.

Фигура 1

Фигура 2

Рис. 2. Прямая работа (прямые сгибания затылка)

При этих сменяющих друг друга действиях трензеля и мундштука и узнается степень чувствительности рта лошади.

Ошибочно принято думать, что если лошадь пенит ртом, то у нее хороший рот. Лошадь пенит, только сжимая язык, следовательно, рот ее неспокоен, почему не может правильно чувствовать повод. Лошадь пенит, когда или вертит языком во рту, или трет им о небо, или переваливает язык через железо, или сворачивает его трубкой у зева. В этих случаях к дужке удила приделывают подвижную пластинку в виде восьмерки, пластинка эта, кроме того, мешает лошади вываливать язык. Иногда лошадь пенит оттого, что играет с концами рычагов; чтобы воспрепятствовать этой привычке, концы рычагов соединяют ремешком. По-моему, рот лошади хорош, если он во время работы спокоен, не слишком сух и не слишком влажен.

Не следует приписывать тугости рта сопротивление лошади поводу, происходящее от поставка ее головы. Всякая лошадь при опущенной вниз голове будет лежать на передку, следовательно, будет туга и ртом, но если поднять ей перед и уравновесить ее, она может оказаться и не тугоуздой.

Во всяком случае, о рте лошади можно сказать, тугой он или мягкий, только тогда, когда он показывает себя тем или другим, когда лошадь идет с поднятой головой.

Если работа затылка (прямое сгибание) по указанному способу произведена правильно и умело, то лошадь должна принять следующую постановку: перед ее будет поднят, конец носа будет на высоте холки; согнутая в затылке голова будет опущена вниз так, что ось ее будет немного переходить вперед за отвес (ось головы не должна выходить за отвес к туловищу, в этом случае постав будет порочен, что является последствием неверного, головой вниз, сгибания лошади), рот будет свободен и разжат.

Лошадь будет слегка перед рукой, то есть будет идти на повод.

Для большей ясности я изложил приемы работы затылка (прямого сгибания) по моей методе, предположив, что лошадь стоит на месте, на самом же деле я применяю их на ходу.

Большинство берейторов применяют приемы сгибания иначе. Чтобы понять сущность приема прямого сгибания (работа затылка) и как его нужно применять (основа выездки), надо рассмотреть, для чего он служит и что им должно быть достигнуто. Работа затылка имеет цель: поднять лошади шею для того, чтобы поставить ее в равновесие.

Редко встречается от природы уравновешенная лошадь, так как в силу своего сложения она держится более на переду. Причиной тому то, что голова лошади отстоит от туловища более или менее далеко впереди точки ее равновесия. Чем далее от центра тяжести стоит голова лошади, тем ниже она ее держит и тем больше вся тяжесть лошади лежит на плечах. Если шея лошади поднята, голова более приблизилась к центру тяжести лошади, то, соответственно, равномернее будет размещаться и вес тела ее.

На ходу лошадь перебрасывает попеременно тяжесть своего тела с зада на перед и с перед на зад. Задача выездки состоит в том, чтобы поставить лошадь в такое положение, чтобы тяжесть ее тела была правильно распределена на все части ее тела, чтобы уравновесить ее на ходу.

Поднятая шея равномерно ложится своей тяжестью на перед и зад лошади, отчего и тот и другой могут работать с одинаковой силой и легкостью. Шея «ставит лошадь». Лошадь в постановлении получает возможность свободно подводить задние конечности под центр своей тяжести и свободней и выше выносить передние ноги.

Для скачки высокий ход не годится, так как нужно, чтобы лошадь возможно более вытягивалась, почему при тренировке шею не поднимают, а требуют обратного – чтобы лошадь как можно более стлалась по земле.

Некоторые лошади держатся на зад, и для уравновешивания новейшие авторы предлагают пересаживать лошадь на перед. Из вышеизложенного о сложении лошади и отношения частей тела ее между собой вытекает, что и в этом случае равновесия достигнуть возможно, только подняв голову и шею лошади вверх. Лошадь может сидеть на зад только в том случае, когда она стоит за поводом, ее задние ноги или слишком удалены от центра тяжести или слишком близко к нему подведены. При таком поставе лошадь идет на прямых задних ногах или подбирает под себя задние ноги так далеко, что перпендикуляр, опущенный от ягодиц, будет идти позади скакательных суставов.

Второе даже опаснее – лошадь готова подняться на дыбы. От лошади за поводом всегда можно ожидать, что она будет или пятиться или подниматься на дыбы.

В данном случае возникает неестественное, неравномерное распределение тяжести тела лошади, но созданное ею самой вследствие того, что она не подается на повод или не хочет идти на него. Если при этом опустить еще нарочно голову вниз, то тяжесть еще больше передается на перед, и работа зада, которую лошадь не желает выполнять, станет для нее еще труднее. Не говоря уж о том, что при опускании переда дается большой размах для дыбов. На самом деле, надо, напротив, чтобы облегчить работу зада, непременно поднять перед лошади. Поднимать голову лошади надо, натягивая трензельные поводья не спереди назад, а снизу вверх. Повод натягивать мягко, не дергая, осторожно и легко. Затем, применяя приемы сгибания затылка и челюсти, сильно и постепенно подгоняя шенкелями как можно дальше под центр тяжести зад,

расслабить его и развить в нем гибкость и упругость. Лошадь, которая держится на зад, не идет на повод; которая стоит за поводом, в то же время стоит и за шенкелями, более или менее неохотно подается вперед под их напором. Вследствие этого, работая такую лошадь, надо как можно мягче и легче действовать на нее поводьями и как можно энергичнее посыпать ее шенкелями. Скажу даже, что шенкеля должны работать так энергично, чтобы заставлять лошадь не только подаваться, но и бросать тяжесть своего тела на повод. Иными словами, неверное распределение тяжести лошади надо насильно исправить и поставить лошадь в равновесие. Тут уместен бич, который является отличной подготовкой для действия ноги. Как видно, шея лошади представляет главное препятствие равновесию лошади, следовательно, достигнуть его, опуская шею, нельзя. Необходимо утвердить шею в оси лошади, связать голову ее с плечами и достигнуть легкости движения лошади путем сгибания и раздачи челюсти.

В естественном состоянии голова перетягивает вниз распушенную, прямую, слабую шею. Бич держат за тонкий конец. Работа затылка укрепляет шею, тренируя ее, ставит ее в вертикальную плоскость и устанавливает ее в этой плоскости (*от издателя:* в оригинале «ось»). На этой стойкой опоре голова, сидящая на ганахах, которые после соответствующих сгибаний приобретут гибкость, получает возможность двигаться легко и свободно. Одним словом, голова, шея, плечо устанавливаются в вертикальную плоскость и сливаются в одно целое с уравновешенным телом лошади, и все это целое становится гибким, ловким, поворотливым.

Раз лошадь поставлена в равновесие, челюсть, развитая сгибаниями, дает возможность регулировать движения зада вперед и переда назад. Именно рука всадника, находящаяся в постоянном общении с челюстью лошади, принимает через нее на повод напор тяжести тела лошади, бросаемой сзади на перед ее задними ногами и, приняв этот напор, отбрасывает эту тяжесть обратно назад на задние ноги лошади. Рука задерживает и отдает к центру только ту часть толчка зада, которая нужна для равновесия, большая же часть идет на поступательное движение лошади вперед.

Гибкость, податливость спереди назад челюсти, головы и шеи увеличивается прогрессивно с зада на перед, податливее всего челюсть, затем голова в затылке и, наконец, шея в холке, в плечах (представьте себе бич, который вы держите за толстый конец). Иными словами, сила поступательного движения, развитая лошадью в самой себе, встречает руку всадника; рука, нажимая поводом на десны, гнет спереди назад, давит челюсть (тем сильнее, чем сильнее напор) и через челюсть – голову на шею. Шея в силу своего положения относительно плеч упирается в них всей силой развившегося поступательного напора (повод давит челюсть, челюсть – затылок, затылок – шею).

Такое взаимное отношение всадника и лошади определяется термином «лошадь в поводе». От положения головы зависит и воздействие повода. При опущенной голове мундштук будет действовать как трензель. При верно поднятой голове мундштук, лежа на деснах, будет действовать правильно спереди назад по прямой. Когда голова слишком ушла за отвес, мундштук перестает действовать правильно, так как давление будет сверху вниз. Приемы эти вывел я не из предвзятой теории и применяю их не на авось. Надеюсь, что мне удалось выяснить их сущность.

Боше первый начал применять сгибания и положил их в основу выездки. К сожалению, он не отдавал себе ясного отчета в их применении. Самому Боше это мало мешало, так как у него так тонко было развито чутье лошади, что руки и ноги его восполняли недостатки его системы. В сочинения свои он, конечно, не мог вложить своего чутья, и в них вместе с верными положениями встречаются и ошибочные. Указывая ниже на ошибки Боше, я не только не думаю умалять достоинства великого берейтора, но думаю, что этим самым я отдаю ему дань уважения.

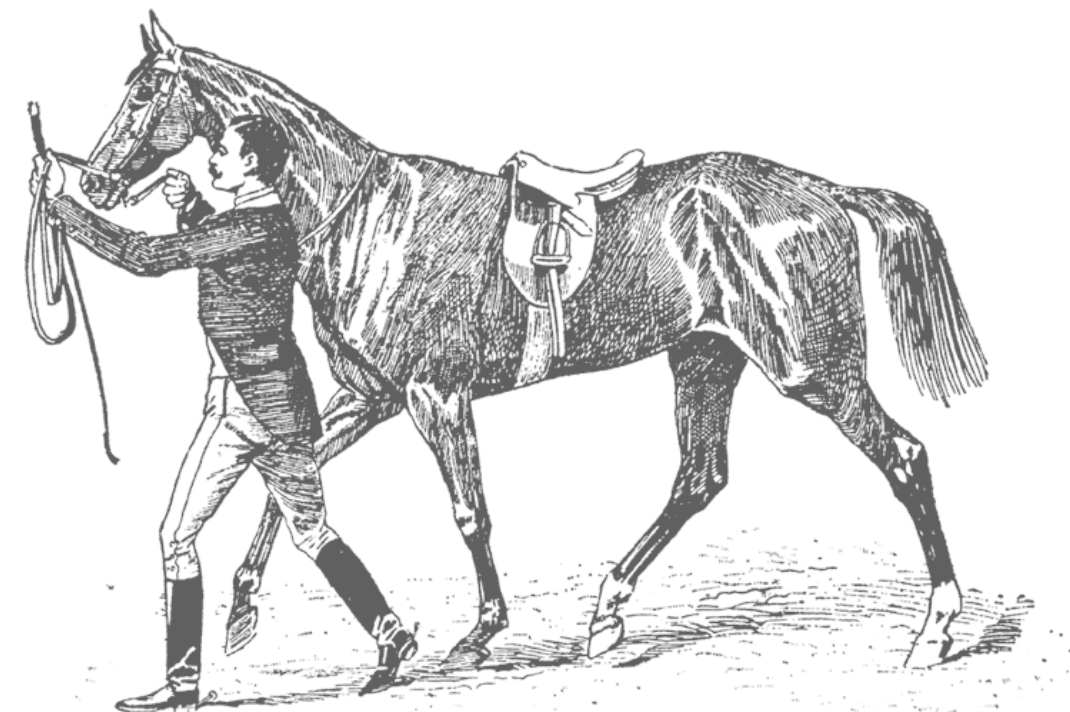
Приемы сгибания по Боше, по-моему мнению, в значительной степени подорвали в глазах знатоков дела доверие к самой сущности их. Я тем не менее признаю за ними значение основы разумной выездки и езды.

Ошибка Боше при сгибании затылка, которую современные всадники широко повторяют и даже утрируют, заключается в том, что гнул он голову лошади не в затылке, а в холке. При таком применении этого приема шея идет вниз, лошадь становится на плечи, то есть усиливается неравномерное размещение тяжести ее тела. Лошадь принимает постановку «затылком». Ей искусственно прививается свойство спотыкаться. (Рисунок 3. Сравнить фигуру 1, приготовление к сгибанию по моей методе, с фигурой 2, взятой из книги Боше, то же приготовление по его методу. На этой фигуре передние ноги не только вытянуты вперед, но и вогнуты; конечно, подача вперед невозможна, ничего не может быть хуже. Затем сравните рисунок 4, фигуру 2, правильное сгибание, с фигурой 1 – сгибания, которые обыкновенно делают теперь.)

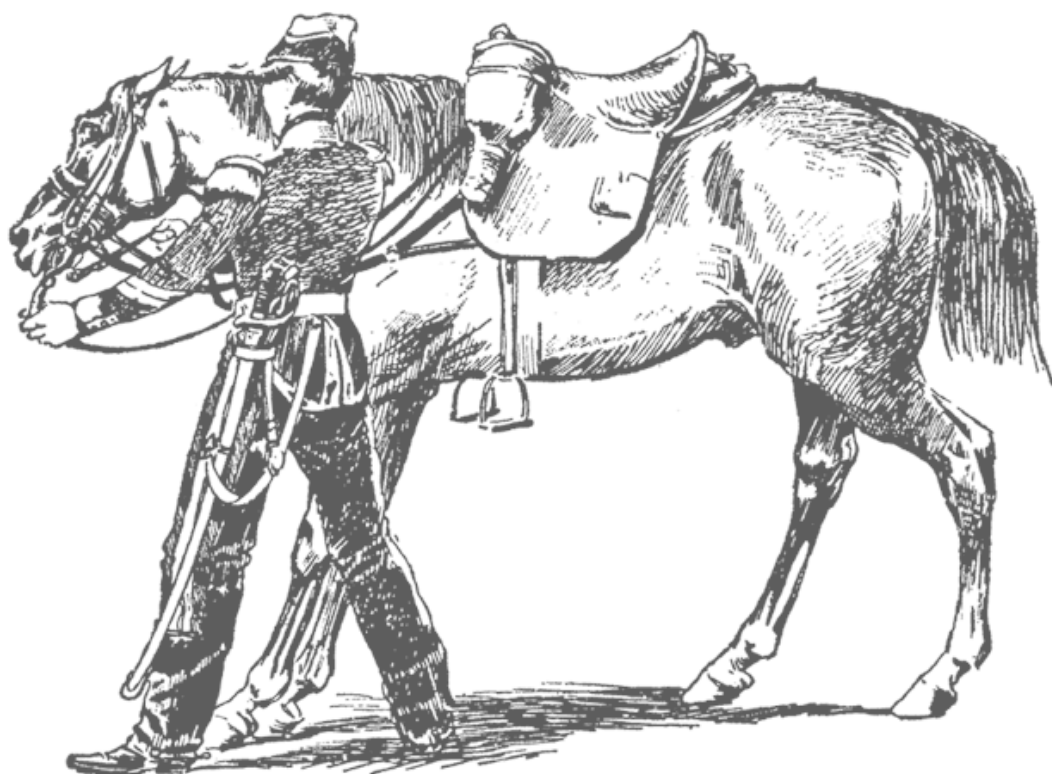
Сам Боше положил основание этому заблуждению. К концу жизни (последнее издание 1874 г.) он понял свою ошибку, но ограничился только тем, что поднял голову лошади, но не гнул ее в этом положении. Как бы то ни было, Боше остается и останется великим ездоком, но последователи его обыкновенно только портят лошадей, за выездку которых они берутся.

Некоторые авторы изобрели даже методу систематически опускать шею. В виде курьеза прилагаю рисунок 5. На нем изображен этот изумительный прием. Это последнее слово искусства – ставить лошадь в такое положение, что ее колени сбиваются от падения на нос.

Часто приходится слышать, что сгибания ни к чему не ведут. Удивляться нечему. Сгибания представляют собой такой тонкий прием, что они доступны только, как я сказал выше, мастеру своего дела, и если браться за него неумело, то результаты будут только отрицательные, а лошадь, к которой их станут применять, будет непременно испорчена.

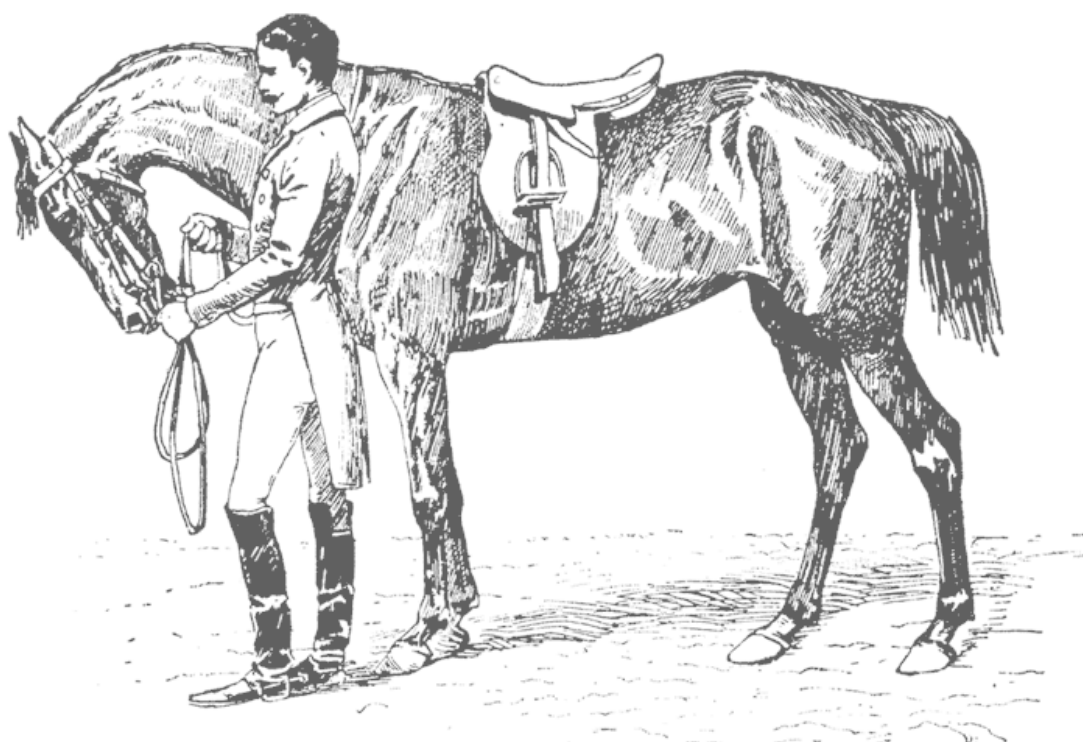

Фигура 1

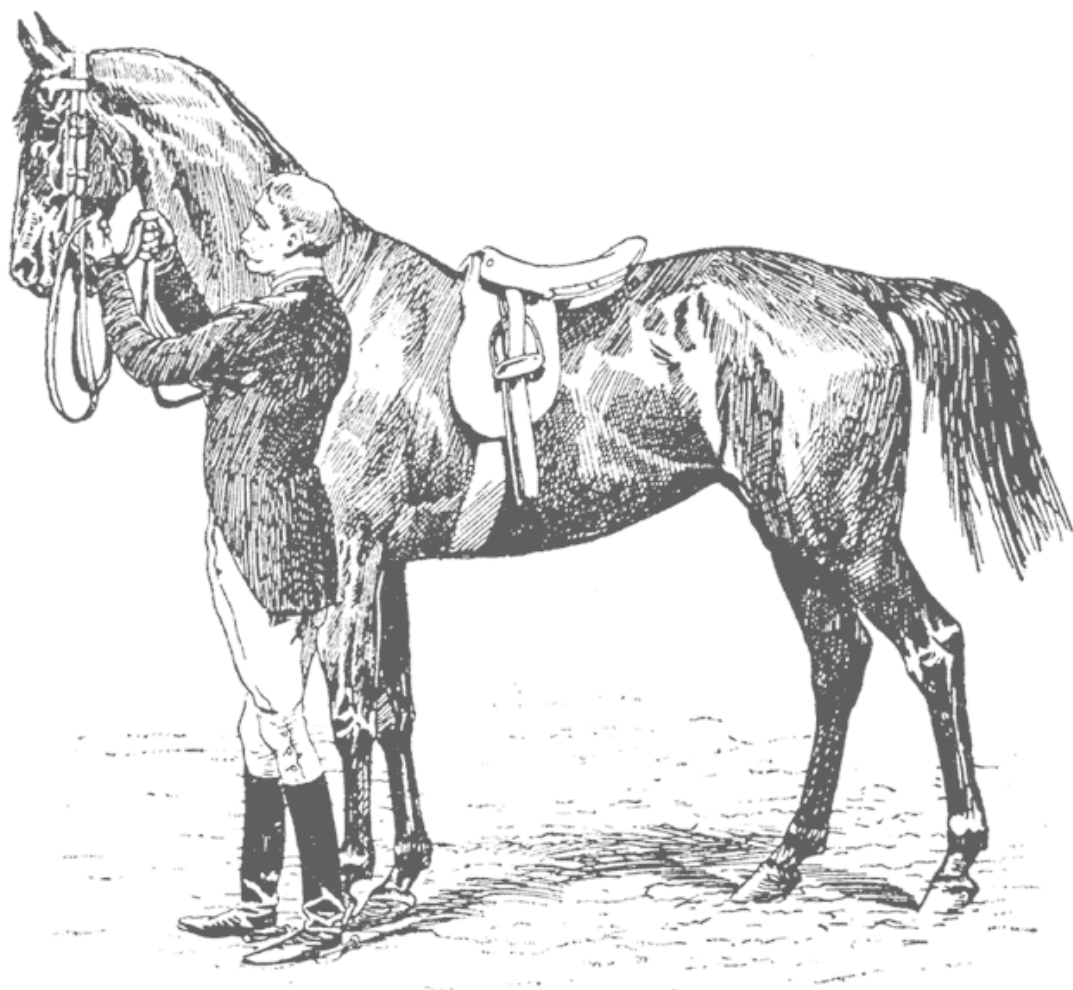

Фигура 2

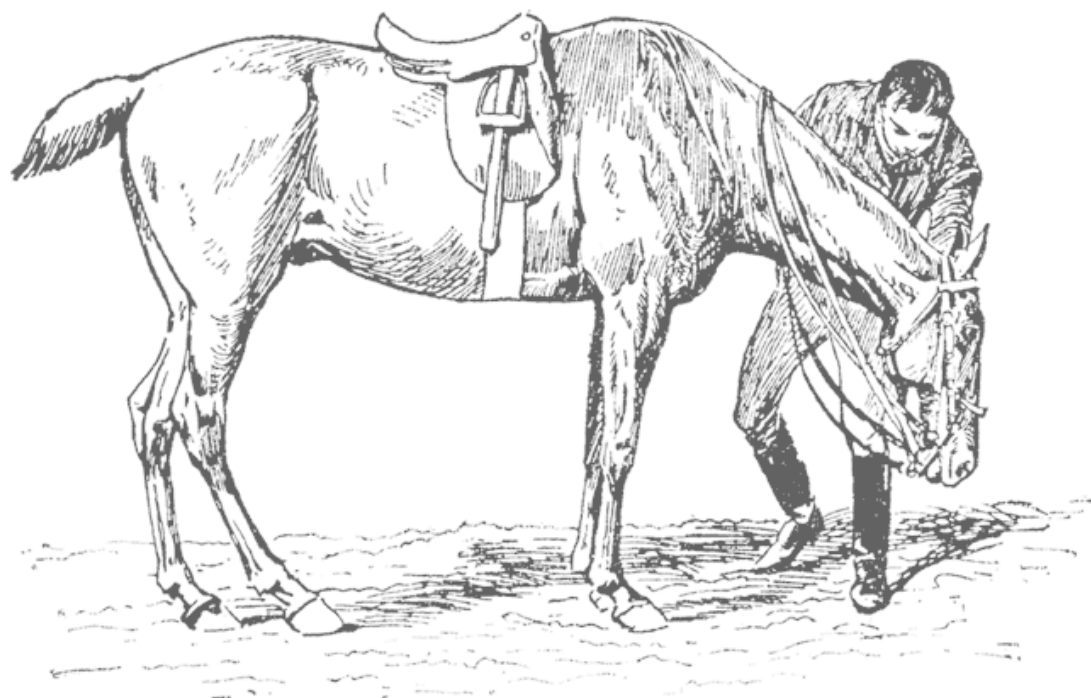
Рис. 3

Фигура 1. Неправильная работа (неправильное сгибание)

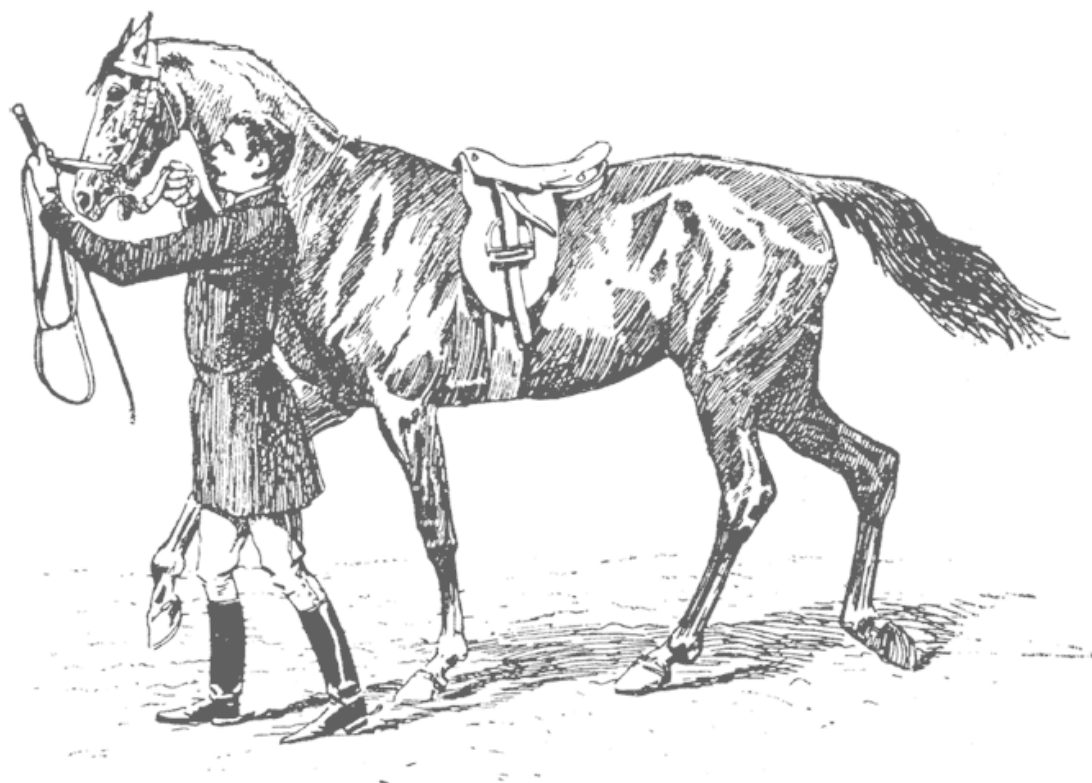
Фигура 2. Правильная работа (правильное сгибание)
Рис. 4

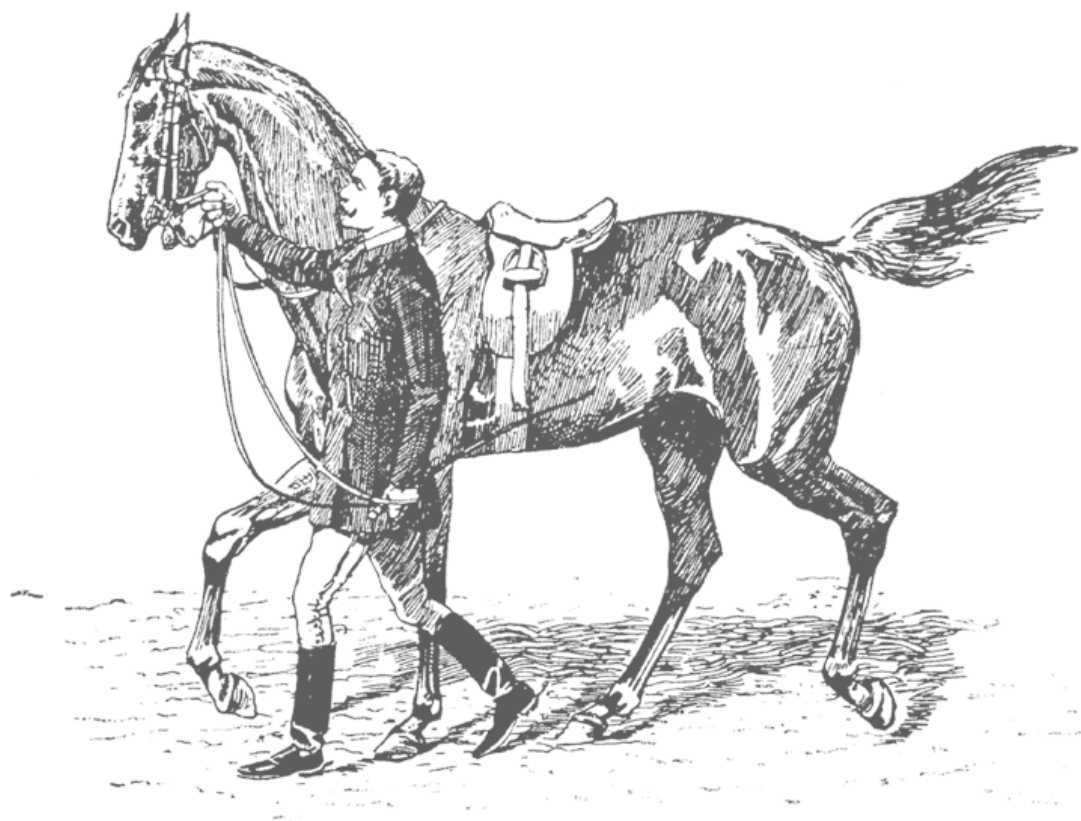
Фигура 1

Фигура 2
Рис. 5

Фигура 1

Фигура 2
Рис. 6

Сгибаниями затылка обыкновенно работают лошадь, держа ее, стоя на месте. Я применяю их только на ходу, и лишь для ясности уразумения я, излагая приемы, допустил предположение, что лошадь стоит на месте. Работаю я их следующим образом. Становлюсь, конечно, у плеча, щелкаю языком и натягиваю сравнительно чувствительнее трензель, то есть толкаю лошадь вперед. В то же время натягиваю сравнительно слабее мундштучные поводья, то есть сохраняю незначительный перевес подачи вперед над задержкой (рис. 6, фигура 1). Когда лошадь несколько раз сдала челюсть, я отдаю повод и несколько секунд веду ее с собой. Долго тянуть сгибания не следует, зато надо часто повторять их. Когда лошадь при первом же требовании поводьев легко сдает челюсть, надо ставить ее в положение, возможно более близкое к положению ее под всадником, для чего изменяю способ держать поводья.

Стою у левого плеча (лошадь идет налево), правой рукой беру трензельные и мундштучные поводья на длине около пятнадцати сантиметров от подбородка (конец трензельных поводьев и хлыст, как всегда, держу в левой руке). Хлыст держу так, чтобы тонкий конец его приходился на высоте бока лошади. Так как при таком приеме трензельные поводья не находятся перед мордой лошади, то есть ими звать лошадь вперед нельзя, то для подачи лошади вперед надо тронуть бок ее хлыстом (рис. 6, фигура 2).

На рисунке показано: трензельные поводья между сжатыми большим и указательным пальцами тянут снизу вверх и держат голову высоко; мундштучные – правый под мизинцем, левый между третьим и четвертым пальцами – более приближаются к горизонтали, тянут спереди назад, разжимают челюсть.

В данном случае уже не перед подает за собой зад, а зад подводится под лошадь и толкает ее перед на челюсть, на которую в обратную сторону действуют поводья, то есть руки берейтора.

Когда прием сгибания затылка применяется к лошади на ходу, то она приучается не ложиться в повод и уступать легко. Прием этот отлично подготавливает лошадь к будущему положению ее под седоком и вместе с тем вырабатывает руку ездока. Если работать лошадь стоя на месте, то гораздо легче и скорее можно достичь подвижности челюсти, но зато можно легко и поставить лошадь за повод. При работе на ходу этого не может случиться (рис. 6, фигура 2). Это обстоятельство имеет такое важное значение, что особенно обращаю на него внимание и советую лучше не торопиться, но зато сделать хорошо. Упорно стою на том, что работу сгибания во всей полноте необходимо производить только на ходу, но бывают обстоятельства, при которых работа на ходу является если не всегда возможной, то, во всяком случае, всегда неприятной. Случается это тогда, когда приходится иметь дело с лошадью, которая вырывает повод или слишком низко держит голову. С такими лошадьми мне всегда удавалось настоять на своем. Когда приходится работать с лошадью на месте, то необходимо обратить особое внимание на то, чтобы не допустить ее осаживания, и при малейшей попытке надо мгновенно левой рукой за спиной хлыстом подать вперед. Если лошадь отстает задними ногами или упирается на передние, то подать ее вперед надо тем же способом, но энергичнее. Лошадь может не осаживая, но стоя на месте передать тяжесть тела назад (седалищный бугор отойдет назад за скакательный сустав). В этом случае надо энергичнее налечь на трензель, чтобы поставить лошадь верно на все четыре ноги, и не допускать ее повторить это. Если лошадь, идя в поводу, стала сдавать затылок, то, будучи под всадником, она будет еще податливее, так как подаваться вперед она будет не из-под хлыста, а после посылы шенкелем, а воздействие шенкелей, конечно, сильнее и энергичнее воздействия хлыста. Подавать лошадь вперед надо шенкелями, постепенно нажимая их, поводья натягивать, когда лошадь уперлась, и сдавать, когда лошадь сдала их, то есть работать поводом, как при работе затылка в поводу.

Всадник, работая затылок, должен все время вести лошадь в шенкелях для того, чтобы, во-первых, вызвать ее на сдачу челюсти и, во-вторых, чтобы не давать ей возможности

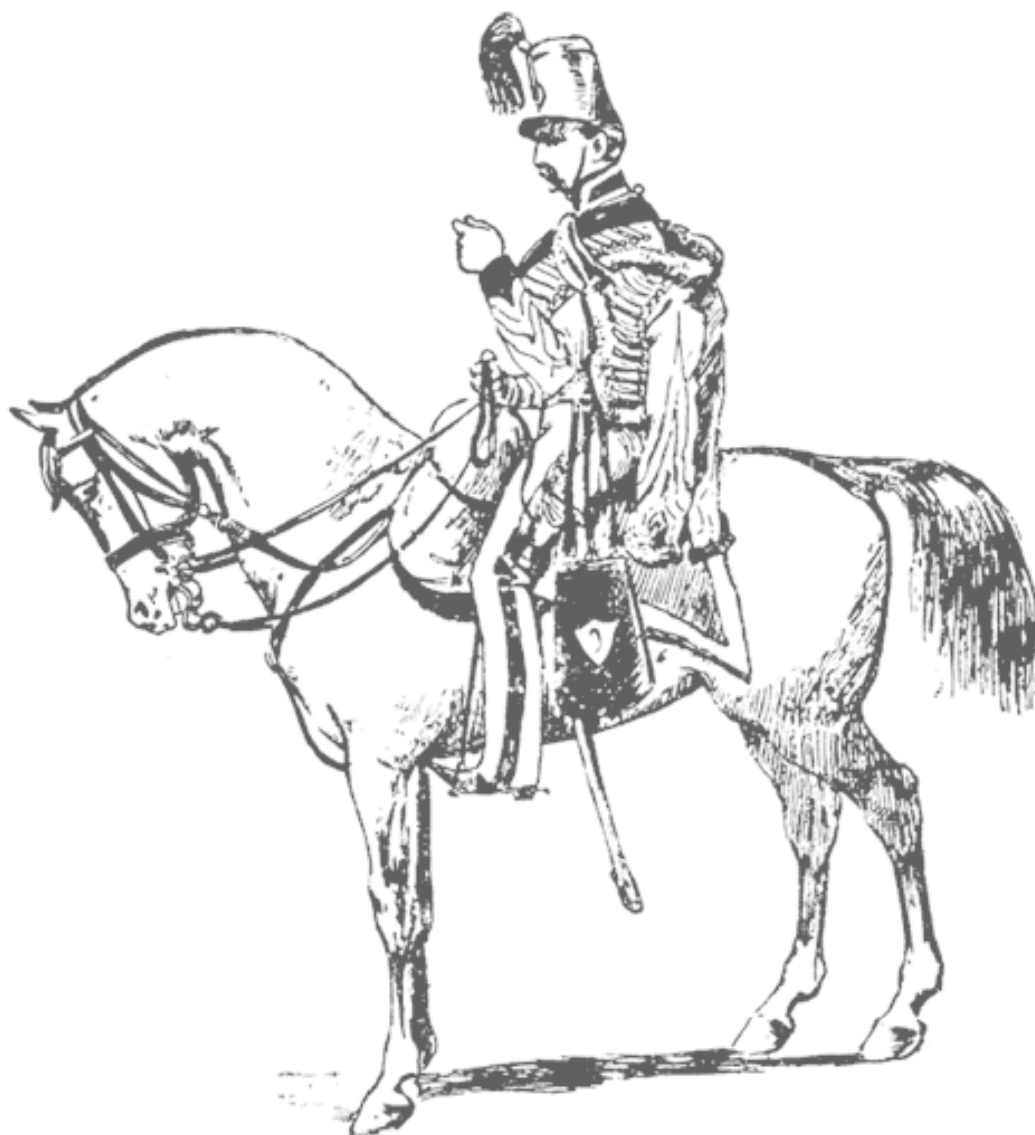
ложиться на повод. Не надо вообще производить сгибание стоя на месте, но гнуть затылок на стойке сидя на лошади не годится еще и на следующем основании: для сдачи челюсти необходимо слегка трогать лошадь шпорой, а если лошадь привыкнет стоять под шпорой, то воздействие руки, то есть повода будет казаться ей более настойчивым, чем воздействие шенкелей. Если лошадь, которая приобрела такое ложное представление о поводе и шенкеле, упрется, ляжет на повод, то как и чем быстро подать ее вперед? При таком условии лошадь может очень легко сноровиться. В работе на ходу и заключается отличие моей системы от системы Боше. С первого урока с лошастью я начинаю пускать ее вперед.

Боше в своем «Dictionnaire resonne d'equitation» (1833) говорит: «На первых уроках в продолжение получаса производить работу на месте, а последние пять минут упражнять лошадь в осаживании». Какое плачевное употребление двадцати пяти и пяти минут! По-моему, из получаса работы все полчаса должны идти на работу вперед и ни одной секунды не следует тратить на работу на месте или осаживание. Боше работал затылок сидя на лошади, на месте, конечно, легко работая при этом шпорой. Если лошади под ним не норовились, то выручало тут только его изумительное чутье.

В системе Боше и в работе под седлом делается та же ошибка, как и при работе в поводе. Для наглядности прилагаю рисунок 7, фигуру 2 (рисунок этот заимствован без всякого изменения из его сочинения). Прошу сравнить эту вторую фигуру с первой фигурой того же рисунка, которая изображает правильное сгибание затылка.

Фигура 1. Правильная работа

Фигура 2. Работа по Боше

Рис. 7

Рис. 8

До какого утрирования ошибок Боше дошли его последователи, может показать рисунок 8, заимствованный из одного новейшего издания. Что изображено на нем? Голова лошади опущена вниз, выставлена вперед далеко за центр тяжести; лошадь стоит затылком, лежит на плечах, явно готова встать за поводом; челюсти сжаты; действие мундштука идет сверху вниз. К полноте картины нечего и прибавить.

Чтобы понять, что нужно при сгибании затылка, стоит посмотреть на этот рисунок и делать только обратное.

Комментарий специалиста

Сгибание затылка, представленное в главе, требует определенных навыков берейтора в работе с мундштучным оголовьем. Аналогичных результатов можно добиться, используя только трензельное железо и лакомства. Мягко работая поводом, отзывая лошадь назад, заставляя сгибать шею в затылке, но не допуская движения корпусом. Когда лошадь начинает отжевывать трензель и сдает голову, дают лакомство. Этот прием позволяет довольно быстро выработать у лошади навык отвечать на работу повода. Позднее эту работу проводят уже не в руках, а в седле. Для коррекции положения головы опускают повод до середины основания шеи и постепенно перебирают его более коротко, мягко отзывая лошадь и поднимая голову вверх, мягко работая пальцами руки и заставляя лошадь отжевывать трензель.

Уступка поводу поощряется оглаживанием или лакомством. Если вы даете лакомство с седла, воспользуйтесь этим, чтобы выработать поворот головы с высоко поднятой шеей. Дайте лошади лакомство с ладони, стараясь не нагибаться вперед.

По мере закрепления этого навыка подключают работу шенкелем, заставляя лошадь сместить центр тяжести вперед и подвести задние ноги.

Глава IV. Способы как приучать лошадь давать на себя садиться

Надо быть всегда готовым к тому, что лошадь не даст всаднику сесть на себя или будет мешать ему в этом. Надо знать, что лошадь может предпринять, и надо быть готовым не дать ей возможности противиться, а в случае нужды побороть ее и настоять на своем. Злая или норовистая лошадь или поднимается на дыбы, или осаживает, или бьет левой передней или левой задней ногой. Если лошадь имеет эти привычки, то ее приходится не приучать к делу, а отучать от них. Приучая лошадь давать на себя садиться, надо надеть на нее корду, взять бич, встать у левого плеча и занести, для вида, левую ногу к стремяни. Если лошадь поднялась на дыбы или осаживала, то следует сильно ударить ее бичом по заду (держа корду, можно встать так, чтобы лошадь не ударила) и продолжать прием снова, до тех пор, пока лошадь не перестанет подниматься. Если лошадь лягается, надо поднять ей голову и громко на нее прикрикнуть. Если она бьет одной ногой, то следует ударить ее по этой ноге бичом. Когда лошадь пуглива, нервна, беспокойна, шекотлива, то она может не давать садиться на себя, и не от злости или упрямства, но и вследствие своего характера. Когда лошадь не дает садиться на себя, то сопротивление ее выражается четырьмя способами, а именно: она подается вперед, осаживает, бросается вправо и бросается влево. В этих случаях я поступаю следующим образом: беру в левую руку левый трензельный повод и пасму гривы посередине шеи. В правую руку, в которой держу хлыст, беру правый трензельный повод так, чтобы он был слегка натянут, и этой же правой рукой берусь за переднюю луку (рис. 9). Становлюсь лицом к плечу. Если лошадь осаживала, то даю хлыстом по заду, и бью им при каждой осадке до тех пор, пока она не будет стоять спокойно. Если лошадь подалась вперед, то ставлю ее поводьями на место. Если лошадь бросилась влево, то поворачиваю ее голову налево, отчего ее ляжки встанут вправо, и поступаю наоборот, если она бросилась вправо.

Рис. 9

Обыкновенно лошадь пускает в ход какую-либо из этих четырех защит или в момент, когда всадник заносит ногу в стремя, или когда он поставит ее в стремя, или когда он поднимается на стремя, чтобы перенести правую ногу. К каждому из этих приемов всадник должен переходить тогда, когда лошадь стоит неподвижно при предшествующем. Опускаться в седло следует только тогда, когда лошадь стоит спокойно все время, пока всадник стоит на левом стремяни и переносит правую ногу через ее круп. В это время большей частью лошадь и делает попытки помешать сесть на себя. Если сопротивление лошади слабо, то достаточно поправить ее поводом; если оно серьезно, то надо встать на землю и наказать ее хлыстом. Когда всадник сел в седло и взял в каждую руку по трензельному поводу, то ему уже ничего не стоит пресечь всякую попытку лошади. Принято, садясь на лошадь, брать оба поводка в левую руку, а гривку – у холки, правой рукой брать за заднюю луку, подняться на левом стремяни, переносить правую руку на переднюю луку в тот момент, когда правая нога заносится через круп лошади. При этом способе садиться на лошадь в тот момент, когда всадник переносит правую руку с задней луки на переднюю, он совершенно беззащитен и положение его крайне неустойчиво. Вследствие этого всадник обыкновенно не опускается на седло, а падает в него. Если лошадь не стоит, то упасть можно и на переднюю луку и за седло. Думаю, что мой способ садиться на лошадь более основателен.

Во время работы на корде я туго натягиваю подпруги. Пробегав на корде рысью, лошадь протрясется, и подпруги ослабнут. Когда я после корды сажусь в седло, лошадь не может оказаться перетянутой. Я держусь правила садиться на лошадь в первый раз всегда после того, как прогоняю ее сперва на корде. Конюхи обыкновенно подтягивают подпруги туго, но, когда они седлают лошадь, на которую приходится садиться в первый раз, они подтягивают еще усерднее.

Как упустить случай потешиться надо мною, когда я полечу с лошади! Как не доставить себе этого невинного удовольствия!

Зная человеческое сердце, я не показываю вида, что понимаю, в чем дело, но еще и подкакиваю: тяните, тяните крепче. Лошадь приводят в манеж, и я пускаю на корде. Перед тем как сесть на лошадь, я быстро отпускаю подпруги на одну или две дырки. Лошадь мгновенно чувствует облегчение, отдувается, довольна и стоит, пока я на нее сажусь, спокойнее.

Конюхи ошиблись в расчете, а у меня прибавилось одним приемом больше приучать лошадь давать садиться.

Достаточно несколько раз сесть на лошадь и слезть с нее, чтобы она освоилась и стояла спокойно.

Сев в седло, не следует держать лошадь на месте, но тотчас надо тронуть ее вперед. Всякая лошадь будет спокойна, если ездок будет держаться этого правила. Садиться надо возможно спокойнее и спокойно трогать лошадь с места. Во все время с лошадью надо обращаться ласково, мягко, так как если запугать ее каким-либо резким приемом, то она, ожидая повторения грубости и боясь, никогда не будет давать на себя садиться.

Когда я сажусь на лошадь в первый раз, я ничего от нее не требую, лишь бы она шла вперед, направляю ее трензелем и не трогаю мундштуком, поводья держу разобранными в обеих руках. Поводья тем не менее держу в руках все и наготове. Шпорой не трогаю. Лошадь распускаю, сколько возможно, и езжу на ней по манежу в обе стороны.

Главное условие для того, чтобы лошадь не противилась, и заключается в том, чтобы сразу от нее ничего не требовать. Если лошадь опускает шею, я едва заметными толчками трензеля снизу вверх (отнюдь не спереди назад) поднимаю ее. Если она задирает голову, я легко, но так, чтобы не задержать ее хода, даю ей чувствовать мундштучные поводья, а если она останавливается, то я отдаю поводья, беру ее сзади подпруг в шенкеля и нажимаю ими до тех пор, пока она не пойдет вперед. (Шенкеля в этом случае заменяют знакомый лошади при работе в поводу хлыст.)

Когда лошадь идет вперед, я продолжаю ездить по манежу и стараюсь, не задерживая ее, ставить ей голову. Лишь только замечу у нее малейшую игру рта, тотчас слезаю с нее и гну несколько раз затылок до тех пор, пока она не сдаст повод, даю морковь и отправляю в конюшню. Морковь надо резать вдоль, а не кружками, отчего лошадь может подавиться. Сахара давать не люблю: когда она взнуздана, то пенит и брызжет, что неприятно. Давая сахар в кормушку, можно развить прикуску; кормушка делается сладкой, лошадь сначала ее лижет, потом кусает, а затем прикусывает.

Итак, на первом уроке под седлом от лошади, кроме хода вперед, ничего не требую. Советую принять за правило, что от лошади никогда не должно требовать нескольких вещей зараз, так как лошадь непременно запутается, не будет понимать и не будет в состоянии понять, что от нее требуют, а всадник может принять это непонимание за отказ.

Комментарий специалиста

Способы заездки лошади претерпели некоторые изменения. Перед тем как сесть в седло, рекомендуется сделать среднюю по тяжести работу на корде, чтобы лошадь размялась, выбросила избыток накопившейся энергии; после появления активного потоотделения считается, что лошадь готова к дальнейшей работе. Стремена во время этой разминки рекомендуют отстегивать или надежно фиксировать за путлище на уровне крыла седла, чтобы они не раскачивались и не пугали лошадь. Как правило, проводят заездку двое: один человек держит лошадь на корде и в поводу, другой освобождает стремяна, ставит ногу и плавно садится в седло. Если лошадь отходит в сторону, кордовый поправляет ее, работая поводом.

Предварительно в деннике, а затем и в манеже, держа лошадь в поводу и на корде, делают висы на седле, стараясь максимально загрузить спину, ставят ногу в опущенное вниз стремя и потихоньку переносят центр тяжести на эту ногу. Главное – не вызвать у лошади отрицательной реакции и успокаивать ее голосом и лакомством за каждую правильную реакцию, мягко и в то же время уверенно пресекать нежелательное поведение.

Только после того, как лошадь позволяет спокойно сесть на себя, всадник разбирает повод и при помощи кордового начинает движение. Бич выполняет функцию шенкеля. Цель всадника – причинять сейчас как можно меньше неудобства лошади. После того как лошадь начала движение шагом по кругу и правильно реагирует на всадника, не делая попыток отделаться от него, урок заканчивается. Если лошадь сама переходит в рысь или галоп, кордовый помогает остановить ее или в случае неповиновения заставляет активно двигаться; как правило, молодая лошадь быстро сдается. Под весом всадника и после работы на корде на длительное сопротивление у нее не остается сил, и она начинает движение шагом, что от нее и требовалось.

Возможна и другая реакция лошади: она может начать пятиться или будет упорно стоять на месте. Применение бича может помочь в этой ситуации, но вызовет слишком энергичное движение вперед прыжком, что нежелательно, и в дальнейшем закрепится в попытках начать движение раньше, чем всадник от нее этого потребует.

Иногда для того, чтобы заставить идти вперед, используют уже готовую, хорошо выездженную лошадь. Подчиняясь стадному инстинкту, молодая начинает движение за хвостом старшей.

Только хорошо освоив эти приемы, начинают работу рукой и шенкелем. И конечно, не надо форсировать работу по заездке молодой лошади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.